

ТРЕТЬЕ

Жебраче

Нигина Хусайнова

На раскопках на острове Поллепель в руинах замка, Моника находит бутылъ с посланием внутри. Она, не задумываясь о последствиях, с легкостью вскрывает пробку и зачитывает древнее заклинание. Что было дальше, Моника помнила смутно.

Очнулась Моника уже в больнице и, как оказалось позже, в психиатрической. Куда ее определил «любимый мужчина», не забыв прикарманить находку.

Да только обитатель таинственной колбы уже выпущен и теперь сосуд бесполезен. Джинн ищет свою спасительницу, чтобы выполнить ее три желания. Но стоит последнему желанию сорваться с уст девушки, как она окажется во власти джинна.

Три желания — это конечно хорошо. Но стоят ли они свободы?!

Третъе Желание   Нигина Хусаинова

Валефор ждал больше тысячи лет. Томился в бутылке и мечтал о свободе. В этом заброшенном месте, где не ступала нога человека, можно и не надеяться на то, что его освободят. Но чудо все же произошло. На мгновение в пещеру проник дневной свет. Он слышал ее крик, но не видел ее саму. Впрочем, как и она его. Сквозь, казалось бы, плотно закрытую пробку, джинн чувствовал аромат ее тела. Словно лес после проливного дождя. И его желание покинуть колбу, стало непреодолимым. По мере того, как незнакомка подходила к тому месту, где лежала его «клетка», Валефор понимал, что она его попросту не замечает. Джинн разозлился. Ну как можно идти прямо на сосуд и в упор его не видеть?! Насколько хватало обзора из тесной стеклянной колбы, он видел, куда она направляется.

— Чертов шлем! — выругался он, — и почему всех он так притягивает...

Вопреки разочарованию Валефора, прекрасная незнакомка наклонилась к сосуду. Но радоваться он не спешил. Просто снять пробку недостаточно, нужно еще и вызвать его. О познаниях в латыни, своей спасительницы, Валефор мог только мечтать.

Но видимо Высшие Силы были на стороне джинна. И девушка не только открыла злосчастную бутылку, но и зачитала послание.

Валефор вовсе не хотел ее пугать. Да он был бесплотным духом и чтобы обрести свою форму, понадобится время. Кроме того, он владел недюжинной силой, и эта сила вырвалась на свободу вместе с ним, заставляя стены пещеры трястись. Его прекрасная спасительница испуганно прижалась к стене, как раз там, куда с неумолимой быстротой летел булыжник. Увы, в данный момент, джинн был, бесплотен как призрак, и удерживать предметы не мог. Ему оставалось лишь надеяться, что девушка выживет.

Моника Пэриш давно хотела побывать на острове Поллепель. Как обычного человека, ее притягивали тайны и мистика. Вожделенный замок Баннермана, находился всего в шестидесяти километрах от Нью-Йорка, но их экспедиционная группа организовала поход только сейчас.

Когда-то на берегу реки располагался многоэтажный арсенал, включавший складские помещения и магазины. Надпись на стене «Островной арсенал Баннермана» была видна всем проплывающим мимо кораблям. А оригинальная архитектура в стиле неоготики ни могла не восхищать. В верхней части острова расположилась небольшая резиденция для семьи Франциска Баннермана VI.

Баннерман умер так и не успев завершить строительство, а позже замок сотряс мощный взрыв, — в склад боеприпасов попала молния. Прекрасный дворец превратился в руины. С тех пор люди боялись селиться на Поллепеле, опасаясь новых взрывов. Позднее во время шторма утонул паром, соединяющий остров. Еще через время, пожар уничтожил крыши и полы арсенала. И про него забыли совсем.

Сейчас многострадальный замок уже не подлежит реставрации и будет разрушаться дальше. Люди считают, что это к лучшему. По легендам коренных американцев остров населен злыми духами. Зная историю Поллепеля, трудно не согласиться, но группу отчаянных археологов слухи не останавливают, а наоборот придают энтузиазма.

Два года остров являлся собственностью Государственного управления парков Нью-Йорка. После того, как в 2009 году часть замка рухнула, и стало известно, что реставрации не подлежит, он приобрел статус руин.

Группа археологов, состоящая из четырех человек, сошла с корабля на Поллепель.

Джастин — энергичный мужчина. Авантюрист по природе. Ищет приключения везде. Даже там, где их не может быть по определению. Лайза — девушка-мечтатель. Ее главная мечта найти нечто такое, что не находил ни один археолог. Ее не привлекают куски камня, упавшие с космоса, а вот мумии, древние амулеты и письма, она бы изучала их с удовольствием и годами бы не вылезала из лаборатории. Мартин, самый юный в их группе. Неугомонный и вечно позитивный парень. Его любимое занятие подтрунивать над остальными. Особенно в такие моменты, когда все сосредоточены. И сама Моника. В экспедиционную группу девушка попала недавно. Все это время, она работала медсестрой и к археологии не имела никакого отношения. Девушка отправилась с Джастином за компанию. Просто повеселиться.

— Вот мы и на месте! — объявил Джастин. И его голос разнесся эхом по острову.

— Прекрасное место...

Моника вдохнула свежий воздух полной грудью.

— Думаешь? Многие считают его проклятым. Вдруг разбудим кого? — спросил Джастин, обнимая ее.

— Да ну?! — Моник махнула рукой, — байки венского леса. Лично я не верю!

Подняв руки вверх и скрючив пальцы, Мартин склонился над Моникой и протяжно завыл:

— У-у-у... Я древний дух этого поместья. Вы разбудили меня и будете за это прокляты! — юноша издал злобный смех.

— Дурак! — буркнула подходящая к ребятам Лайза. — Байки не байки, а лучше вспомните, что с этим замком произошло? За весьма короткий срок, между прочим! Так что прекрати дурачиться и помоги мне достать инструменты.

— Если нужна моя помощь, то так бы и сказала! А то обстановку только напрягаешь. И вообще, с каких пор ученый-археолог вдруг стал таким суеверным?

— Я не суеверна! — возмутилась Лайза, — но лучше делать все аккуратно! Так как место заброшено довольно давно и здесь наверняка все покрыто аспергиллом[1]. Вреда особого конечно не будет, но все же лучше нацепить респиратор. Вот, — девушка протянула респираторы с двумя фильтрами (СИЗОД — средство индивидуальной защиты органов дыхания), — разбирайте!

Когда же все были вооружены, группа дружно вошла в замок. Внутри он выглядел еще более заброшенным, чем снаружи. Полуразрушенные, кирпичные стены, поросли мхом. Некогда ровный пол, покрытый мраморной плиткой, превратился в проросшую травой землю. Кое-где валялись отколотые куски плитки, покореженные ажурные решетки перил, гнутые канделябры и даже ржавая кочерга, выполненная в форме шпаги.

Мартин не удержался и, подняв кочергу начал энергично ею размахивать, приговаривая:

— Защищайтесь сударь!

— Ты не исправим! — усмехнулся Джастин, — но мы пришли сюда за более ценными предметами...

— Кстати, Джастин, — Моника подошла к мужчине, — а что мы конкретно ищем?

— Существовала легенда, — учительским тоном завел рассказ Джастин, — что Франциск Баннерман собирал предметы и вещи с мистической и даже жуткой историей. Поговаривают, что в поисках он объездил множество стран, а все добытое спрятал в подвале этого замка, — мужчина ткнул в руины, — подвал естественно засыпало после взрыва, но мы его раскопаем. В коллекции Баннермана имелись такие предметы, как шлем циклопа, который одноглазый монстр подарил Аиду. Откуда он у Франциска никто не знает, но это не единственная вещь, которую он добыл. Также в зале его дворца, стоял маленький диванчик из Лувра. У которого довольно нехорошая история. Такие диваны, стояли в помещениях, где истекали последние мгновения жизни идущих к гильотине. Все эти люди были приговорены к смерти. А стены холла украшала картина «Плачущий мальчик» художника Браголина. История полотна такова: художник хотел написать плачущего мальчика, а в качестве натурщика выбрал собственного сына. Но малыш плакать по заказу не мог, поэтому Браголин специально доводил ребенка до слез. Он зажигал перед лицом малыша спички. Отец знал, что сын панически боится огня, но искусство было ему дороже, чем нервы ребенка. И однажды доведенный до истерики малыш не выдержал и крикнул: «Гори сам!». Это проклятье не заставило себя ждать. Через две недели, мальчик умер от пневмонии, а вскоре заживо сгорел и сам художник. Зловещую славу картина приобрела в Англии, где одно за другим было возгорание жилых домов. И лишь таинственное полотно, чудесным образом всегда оставалось нетронутым огнем.

— Жуть, — тихо произнесла Лайза, — учитывая, что замок сгорел...

— Еще, в его коллекции имелась статуэтка угро-финской богини Юмалы из чистейшего золота. И вот именно ее мы и ищем, — закончил Пирсон.

***

Ребята разложили палатки и достали все необходимое для работы; лопаты, мотыгу,

вилы, кисти, рулетка, компас и уровень.

— Джастин, а ты знаешь конкретное место, где находится этот подвал? — поинтересовалась Моника. Пирсон прожужжал ей все уши об этом острове. Но о самом подполе ничего не говорил.

— Увы, нет... — вздохнул Джастин, — будем действовать по логике...

— Понятно, я тогда пойду, осмотрюсь.

Моника решила немного погулять по руинам замка. Во всех этих приборах, да и в самих раскопках, она не разбиралась. Единственное, чем она могла помочь группе, так это прочесть какие-нибудь письма на латыни. И сказать по правде, ей было совсем неинтересно ковыряться в земле и искать не существующие предметы. Можно конечно предположить, что картина, статуэтка и диван действительно существовали, а вот шлем циклопа, точно миф. Кроме того, Моника сомневалась, что все эти вещи собрал один человек. Для этого, ему, как минимум нужно было стать бессмертным.

Пэриш приехала сюда за компанию с Джастином. Он был так одержим этой идеей, с энтузиазмом рассказывал о замке Баннермана., что она решила посмотреть на это «чудо» своими глазами. И не пожалела. Остров и впрямь был потрясающим. А дворец хоть и разрушен, но тоже не потерял своего великолепия.

Моника обошла стены замка и очутилась в небольшом павильоне, пристроенном к задней части дворца. Каким-то чудом бельведер остался нетронутым. На центральной стене внутри павильона, одна плитка чуть выпирала и Пэриш подошла ближе, чтобы разглядеть ее лучше. На плитке была выгравирована стрелка вниз. Что это могло значить, Моника не знала. Она просто приложила руку и слегка нажала. Зачем? Простое любопытство.

Какой-то момент ничего не происходило. Пэриш недоуменно пожала плечами и направилась к выходу из павильона. Но стоило ей сделать шаг, как земля под ног исчезла и Моника провалилась в зияющую пустоту. К счастью для нее, высота была не больше двух метров. Она смогла подняться и начала осматриваться.

Пейзаж напоминал сцену из фильма «Индиана Джонс». Место куда провалилась Моника, оказалось каменистой пещерой, в которой пахло сыростью и где-то вдалеке, слышался шум льющейся воды. Хотя в подвал и не попадал дневной свет, в пещере все равно было светло. Освещением служили изумрудные кристаллы, которые сияли зеленым светом. Несмотря на мягкое освещение и умиротворяющее «кап», в пещере было довольно жутко.

Прямо на Монику с картины, прислоненной к стене, смотрел плачущий мальчик. Малыш был так искусно нарисован, что казалось, можно услышать его плач. Чуть левее от жуткой картины, на изящных ножках и обитый синим бархатом, стоял тот самый диванчик из Лувра. На нем лежала золотая статуэтка девушки. Так, словно хозяин небрежно швырнул фигурку на софу. В углу пещеры находился валун, на котором стоял старинный шлем. По легенде, он делал того, кто его наденет, невидимым.

Моника решила проверить легенду и подошла к валуну. Возле поросшего мхом камня, валялась бутылка, похожая на колбу. Но что заинтересовало Монику, так это записка внутри. Пэриш подняла бутылку. Сначала, она думала, что деревянная пробка разбухла и вряд ли поддастся. Но та, на удивление с тихим хлопком легко выпала из колбы. Моника вытряхнула свернутый трубкой лист, развязала бечевку, к которой крепилась восковая печать и зачитала: «In nomine ergo Salomon filius David principem magorum, virium impero in conspectu spiritus mei! [2]».

Сначала пещеру затрясло. С потолка стала сыпаться пыль, и даже камни. Моника

отпрыгнула от одного булыжника, потом от другого. Но камни и пыль, оказались самой наименьшей ее проблемой. От дальней стены на Пэриш надвигалось нечто. словно плотный черный туман. Отступать было некуда. Моника лишь сильно зажмурилась, прижимаясь к холодной стене.

[1] *Aspergillusniger* — плесень, обитающая в зданиях. Традиционно грибы этого рода растут во влажных местах.

[2] Именем Соломона, сына Давида, повелителя Магов, приказываю Духу Силь явиться передо мной!

Моника очнулась. Она лежала на жесткой кровати, казалось, что спишь просто на железной сетке. Ее запястья были привязаны к металлическим подлокотникам. Пейзаж вокруг был удручающим; серые кое-где с ржавыми пятнами голые стены. Плотные закрытые окна с мелкой решеткой, а пол был устелен затертым и обшарпанным линолеумом, времен первооткрывателя Америки.

Моника закрыла глаза, голова нестерпимо болела. Ощущение такое, словно на темечке поселился дятел и сосредоточено долбил по нему. Постепенно Пэриш снова уснула. Ей снилась пещера, старинный сосуд и нечто плотное, которое надвигалось на нее со всех сторон. Туман медленно обволакивал Моника. Казалось, что густой туман, живое существо, которое дышит. Она ощущала каждой клеточкой своего тела, как некое существо вдыхает ее запах, словно пытается запомнить.

Пэриш резко распахнула глаза. Она все также лежала на ужасной кровати, а руки были связаны. Понять, где Моника находилась, не представлялось возможным. Железная дверь со скрипом отворилась и в помещение прошмыгнула медсестра.

— Проснулись, мисс Пэриш? Как себя чувствуете?

— Отвратительно! — призналась Моника, — у меня онемела спина и руки. Кажется, я скоро вообще перестану их чувствовать. А еще меня тошнит, хочу в туалет, и принять душ!

— Мисс Пэриш, вас тошнит, потому что вы получили тяжелое сотрясение мозга. Отсюда и галлюцинации. Вы все время твердили: «Черный туман! Мы все умрем!».

— Правда? — удивилась Моника, — она совершенно не помнила, что говорила и что делала. Последнее, что ей запомнилось, так это пещера и то, как провалилась в нее. А дальше, темнота. — А где я? — наконец спросила Пэриш.

— Это государственная психиатрическая больница «Пилгрим»[1]. Вас привез сюда мужчина. Сказал, что вы невменяемы и пытались его убить, в попытке отобрать какую-то бутылку.

— Я?! — возмутилась Моника и попыталась встать. Головная боль, вроде утихла, но вернулась с новой силой. — Этого не может быть!

— Но вы действительно вели себя странно. В любом случае, я не могу судить о вашем состоянии и уже вызвала врача. Доктор Кортес, сейчас подойдет.

— Скажите, — Моника решила вести себя более спокойно, чтобы поскорее покинуть это место, — а как звали того мужчину, что привез меня сюда?

— Кажется... — медсестра задумалась, — Джастин Пирсон.

— Джас?! Как он мог? Почему не отвез меня с сотрясением в нашу клинику? Даже если я не в себе, он не должен был везти меня в психушку! А можно еще вопрос? При мне была бутылка? Ну, она чем-то на колбу из кабинета химии похожа...

Медсестра кивнула.

— Да. Но он забрал ее. Сказал, что не хочет, чтобы вы при виде нее снова получили стресс. О, — она взглянула на открывающуюся дверь, — а вот и доктор...

В палату вошел тучный мужчина в белом халате. Тусклый свет в помещении отражался на его гладкой лысине. Мужчина окинул медсестру недовольным взглядом и пробубнил:

— Ханна, сколько раз я тебе говорил, не болтать с пациентами? Некоторые из них только на вид безобидны. Еще раз увижу, до практики больше не допущу. Единственное, о

чем ты должна спросить пациента, это о его самочувствии. В твои обязанности входит выполнять процедуры предписанные врачом, а не трещать с пациентами, словно с подружками! — врач пододвинул стул к кровати и осведомился у Моники:

— Как вы себя чувствуете?

— Ужасно! — Моника перечислила те же симптомы, что сказала медсестре, — когда меня отпустят?

— Видите ли, — начал эскулап, — у вас сотрясение мозга.

— Доктор, — перебила его Пэриш, — вы же психиатр, а не нейрохирург. Давайте, моим сотрясением займутся мои коллеги-врачи, хорошо?

— Эм, — замялся врач, — мисс Пэриш, вы пролежали здесь две недели. Поначалу вели себя буйно. Требовали вас отпустить, говорили о какой-то угрозе, которая уничтожит человечество. Якобы вы случайно выпустили зло из бутылки. Потом набросились на своего молодого человека из-за этого сосуда. А после потеряли сознание. Мы ждали, когда вы придете в себя и на всякий случай привязали к кровати. Позже под действием лекарств, нам удалось вас нормально обследовать. И выяснилось, что у вас черепно-мозговая травма и тяжелое сотрясение мозга. Отсюда и весь этот бред про «зло». Должен признаться, это не палата, а изолятор. Сюда мы помещаем исключительно буйных пациентов. У вас несколько раз были припадки. Поэтому вы здесь, а не в обычной больнице. Вы извините, но и сейчас отпустить я вас не могу. Как минимум около месяца будем вас наблюдать. Ну, а если все будете в порядке, то отпустим с миром.

Моника слушала врача с разинутым ртом. Это просто невероятно! Она поражалась тому, какой идиоткой оказалась. Возможно, она действительно видела в пещере нечто. И могла рассказать об этом и остальной группе археологов. Но какой нужно быть кретинкой, чтобы устроить истерику в дурдоме! Да один неверный жест и для здешних врачей, ты будешь ценным пациентом в палате под номером шесть. И что хуже всего, что ее будут держать тут еще месяц. Это в лучшем случае, а в худшем, то Моника останется здесь на ПМЖ. Да и с работой медсестры, можно попрощаться навсегда. Никто не допустит девушку со справкой, работать с пациентами. Хорошо если ее вообще примут на какую-нибудь работу.

— Капец какой-то! — еле выдавила она из себя.

— Мне интересно другое. Как вы попали на раскопки?

— С Джастином за компанию отправилась. Он мой молодой человек. А теперь уже бывший! — зло выплюнула Моника.

— Да. Ваш молодой человек действительно неприятный тип. Как мужчина это говорю. Вместо того чтобы доставить любимую девушку домой и вызвать врача отдельно, он практически избавился от вас. Возможно, вы обнаружили нечто ценное. Поэтому он и запер вас здесь. Врачам скорой помощи, он сказал: «Уберите от меня эту чокнутую!». Конечно, я врач и не должен вам это все говорить. Но я хочу убедиться в том, что вы адекватно отреагируете на шокирующее известие.

— Это правда? — тихо спросила Моника, — ну, про чокнутую?

Врач кивнул.

— Да.

— Козел он! Хорошо, что я не успела выйти замуж за эту тухлятину, — вполне нормально ответила Пэриш. Но внутри бушевала настоящая буря.

Валефору понадобилась целая неделя на восстановление своей прежней формы. Сначала, он хотел остаться в пещере до завершения процесса. Но услышал голоса людей. Один из них даже осмелился спуститься и джин решил, что незнакомец беспокоиться о девушке. И ошибся. Археолога интересовали лишь предметы.

— Verbero![2] — выругался он на латыни.

Валефор собирался обрушить стены на жадного археолога. Но сначала нужно обезопасить свою спасительницу. Джинн со свистом пронесся по пещере, сотрясая стены. Груда камней тут же засыпала место, где находилась основная часть находок. Мужчина испуганно огляделся вокруг, поднял с земли бутыл. После чего с полным разочарованием все же соизволил вытащить бессознательную девушку из пещеры. Бутыл археолог не преминул прихватить с собой.

— Merda![3] — снова выругался джинн уже на итальянском. Валефору совсем не нравилось, что его сосуд в чужих руках. Он конечно уже бесполезен, но три желания еще не загаданы. А значит, есть вероятность возвращения в «клетку». Чего ему абсолютно не хочется.

Когда его спасительница оказалась в безопасности, Валефор засыпал пещеру полностью, сровняв ее с землей. Джинн проводил всю группу взглядом и растворился в ночном воздухе.

***

Спустя долгий и казалось нескончаемый месяц пребывания в лечебнице, Моника, наконец, покинула ее.

Она стояла на оживленной улице Нью-Йорка и с наслаждением вслушивалась в звуки города.

У пешеходного перехода попискивал светофор, торопя людей перейти дорогу. По тротуару шла толпа спешащих по своим делам. А у витрины игрушечного магазина, хныкал мальчишка лет пяти. Ребенок теребил тучную женщину за подол и требовал: «Ну, купи! Ты же обещала!»

Моника села на скамейку в ожидании автобуса. И невольно стала свидетелем разговора непослушного дитя и весьма терпеливой матери.

— Я хочу того робота! — не отставала капризный ребенок.

— А я уже устала повторять, что этот робот, стоит как моя зарплата! Кушать и жить мы на что будем?

— Ты же обещала купить мне робота, — хныкал мальчишка, не отрываясь от витрины.

— Я обещала и купила... — ответила мать.

Ребенок заревел в голос.

— Тот робот не ходит, не разговаривает и руками не шевелит! Просто дурацкая железяка...

— Знаешь что?! — не выдержала дама, — я тебя здесь оставлю с этим роботом. Раз он дороже матери. Я и так на двух работах пашу, чтобы тебя обуоть, одеть, накормить и образование дать! А ты истерики из-за игрушки устраиваешь!

Женщина подошла к остановке и плюхнулась на скамейку рядом с Моникой. Следом прибежал и ревуший малыш. Пэриш думала, что неугомонный мальчишка снова закатит истерику. Но он обнял мать и почти по-мужски произнес:

— Мамочка, когда я вырасту, то заработаю много денег и обязательно куплю тебе

робота!

Моника улыбнулась детской непосредственности.

— И вот так, каждый раз! Когда идем мимо этого магазина, — сказала дама, обращаясь уже к Монике.

— Да уж... — только и ответила Пэриш, — удачи вам...

К остановке подъехал нужный автобус, и она попрощалась с женщиной. Моника села на свободное место и задумчиво уставилась в окно.

Она много раз видела, как лечат психически больных людей. Но благо ее такой метод обошел стороной. То ли она была слишком тихим пациентом, то ли ее жалели. Факт оставался фактом. Моника просто наблюдали. Делали всякие анализы, томографии. И не какой инсулиновой терапии и изоляторов. Соседка по палате оказалась настоящей блаженной. Таких, обычно не держат в психушках. Девушка вечно ходила с глупой улыбкой и утверждала, что она цветочный горшок, а цветок, который в ней посажен, необычный. Стоит о чем-то попросить, и он исполнит.

Естественно девушка была самой обычной. По крайней мере, физически. И никакого цветка в помине не было.

Голос из динамика объявил нужную остановку, и Моника поспешила выйти.

За проведенный месяц в больнице, ее никто ни разу не навестил. Группа археологов, которых она считала друзьями, оказали вовсе не ее друзьями. А Джастин, тот вообще настоящий мерзавец. Мало того, что сдал ее в психушку, так еще и бутылку прихватил с собой. Видать, колба ценной оказалась. Наверняка, сосуд принадлежал какому-нибудь графу, который лично наливал из него вино. Или же бутылка являлась старинным графином, для древних обрядов. В любом случае, это уже неважно.

Что касалось родных Моника, то их у нее практически не было. Ее мать жила в Калифорнии своей жизнью. А судьбой дочери, особо не интересовалась. Подруги у Пэриш тоже отсутствовали. Она все время проводила у коек пациентов, когда другие жили совершенно другой и ненужной ей жизнью. Единственным развлечением Моника были книги и редкие свидания с Джастином. О последнем, Пэриш хотела забыть как можно скорее.

[1] Название придумано автором. Любые совпадения, случайны.

[2] Мерзавец (лат.)

[3] Дерьмо (итал.)

Валефор сидел на скамейке в Центральном парке, возле озера. Он рассеянно отщипывал куски батона и кормил уток. Джинн понятия не имел, как искать девушку, которая его спасла. Валефор слишком долго восстанавливался и запах незнакомки, давно рассеялся. Он знал лишь имя, Моника. Но в Нью-Йорке полно девушек с таким именем.

Одна из уток, воспользовалась рассеянностью джинна и утащила остатки хлеба. Валефор щелкнул пальцами и в руках у него материализовался еще один батон. Скормив еще несколько булок, он открыл крышку карманных часов и тяжело вздохнул. Ну, сколько можно валять дурака? Столько времени потерял, а ведь желания сами себя не загадают...

Валефор сунул часы в карман брюк и решил прогуляться вдоль дороги, окаймляющую Центральный парк. Мимо него, на роликах проезжали парни, девушки и даже старики. Сначала он удивлялся всему вокруг. И не удивительно. Он провел в бутылке тысячу сто двадцать три года. И за это время, мир кардинально изменился. В то время, когда он был на свободе в городе Антарадус[1]. Тогда при императоре Константине Валефора и заточили в бутылке. Казалось бы за маленькую шалость. Он всего-то устроил небольшое землетрясение, тем самым показывая, Константину, что человек не властен над джинном. Но совет самых первых из его рода, решили наказать Валефора и заточили в бутылке.

Люди ошибочно считают, что сосуд это жилье джинна. И до тех пор, пока он будет в человеческих руках, то обитатель бутылки будет исполнять их прихоти. Но это далеко не так. Бутыль — это наказание за провинность. Совет состоит из трех самых первых джиннов, которые и решают такие дела. Так как, они бессмертны, то срок заточения определяется человеком. Люди, конечно же, не назначают дату освобождения, но «заклученного» отправляют в самое заброшенное место. Там он пребывает до тех пор, пока его не найдет человек и не выпустит. Три желания, благодарность освободившему. Но джинны существа коварные. Много лет, люди с помощью особых ритуалов, делали из них своих рабов. И теперь, поскольку те письма с заклинаниями давно утеряны, то роли поменялись. Стоит человеку загадать последнее желание, как он оказывался во власти джинна. Большинство этих существ ненавидят людей. Но Совет старается держать баланс между двумя расами. И когда у джинна появляется возможность уничтожить человека, то он с удовольствием от него избавляется.

Валефор являлся шестым джином и управлял десятым легионом духов. Все они подчинялись ему до заключения. И сейчас ждут своего хозяина. Он не собирался избавляться от своей спасительницы. Валефор хотел владеть ей. Чтобы она была подле него и частью его легиона. Всегда. Откуда возникло это желание, джинн не знал. Просто желал этого и все. Оставалась главная проблема, найти саму девушку. Но для начала, ему нужно освоиться в новом для него мире. С одной стороны, сделать это было проще простого. Перехватить человека и перенять его навыки. С другой, он не хотел вылавливать из толпы первого встречного. Ему нужен был грамотный человек, который не только разбирается в современном мире, но и занимает не последнее место среди общества.

***

Центральный парк, являлся любимым местом Моника. Вечерами она часто брала книгу и усаживалась на скамейку у озера. Вот и сейчас Пэриш не хотела оставаться в квартире и решила пройтись. Но ее любимое местечко, было занято.

Мужчина, сидящий на скамейке непринужденно кормил уток.

Моника остановилась неподалеку и с интересом стала наблюдать. В современном мире редко встретишь мужчину, который предпочитает машинам, клубам и прочим мужским радостям, кормление уток. Да и в целом, вид незнакомца показался ей необычным. Словно, он сошел с экранов исторического фильма. Возможно, он относился к какой-то субкультуре или просто пришел в парк с маскарада.

Кудрявые волосы мужчины, спускались по плечам до самой спины. Под белой батистовой рубашкой с жабо и воланами на манжетах, угадывался мощный торс. От пояса до колен он был одет в лосины. Далее следовали сапоги. Кожаные ботфорты украшала металлическая пряжка.

Моника как раз читала очередной роман известной писательницы Ульяны Гринь, «Заложница артефакта». Автор описывала одежду принца Фера. Точь-в-точь, такую же, как и на мужчине сидящим перед Пэриш. По крайней мере, в ее представлении. Моника смотрела на незнакомца, словно на ожившего героя из любимых книг. Она энергично покачала головой. Ну, что за фантазерка? Подумаешь, одет он, как принц или граф. Что такого? Может он вообще с мозгами не дружит и просто завис в прошлом веке...

Мужчина вдруг резко посмотрел в ее сторону. Черные глаза, казались бездонными. Волевой подбородок, пухлые губы, прямой нос и широкий лоб. Его смело можно назвать красавцем.

— Добрый вечер, прекрасная незнакомка... — поприветствовал он ее.

— Д-добрый...

Манера речи под стать внешнему виду. Но Моника старалась не выказывать удивления.

— Присаживайтесь, — Валефор хлопнул по скамейке.

Пэриш последовала приглашению и села рядом с «графом», как она прозвала его про себя.

— О чем книга? — решил он начать разговор, — Интересная?

— Очень! В ней рассказывается о героине, которая получает магический дар и кольцо. И попадает в параллельный мир. Это кольцо принадлежит принцу. Ну, и естественно, что он ищет его, а заодно и ее...

— Действительно интересно. И вы во все это верите? В магию и параллельные миры?

— Нет, — твердо ответила она, — в магию и все такое не верю. Но именно в таких книгах, описываются настоящие чувства. А не та грязь, которая в нашем мире, гордо именуется «любовью»! — с жаром ответила Пэриш.

***

Валефор места себе не находил. Где искать девушку, джинн не знал. Единственное, в чем он продвинулся, так это в познаниях о нынешнем мире. Ему не составило труда, как бы невзначай, коснуться одного из прохожих. Наиболее подходящего кандидата. И теперь, Валефор знал об интернете, машинах, современных домах, развлечениях, а также о работе мужчины, которого он коснулся. Проще говоря, джинн перенял знания человека.

Позже, Валефор собирался получить бизнес мужчины. Ему нужно было слиться с этим миром. Стать как все.

Джинн снова плюхнулся на скамейку и продолжил кормить уток.

Валефор почувствовал ее присутствие. В воздухе с ее появлением, витал аромат хвои и утренней росы. Он заметил, что Моника разглядывает его и сделал вид, что не видит. Джинн

всей своей кожей ощущал внимательный взгляд девушки. Отметив, что она собирается уходить, поприветствовал ее в своей привычной манере. И тут же пожалел об этом. Теперь он знал, что его одежда и речь давно устарели. Наверняка в глазах Моники, он выглядел ненормальным. Чтобы избежать возникшей неловкости, Валефор задал вопрос о книге в ее руках. И судя по ответу, девушка обожала читать романы о любви.

— Настоящие чувства? — переспросил джинн, — вот уж глупость!

— Вы не верите в любовь, потому что сами никогда не испытывали данное чувство! — раздраженно ответила Моника.

— Вы правы, — мирно продолжил Валефор, — я не испытывал этих чувств. Потому что джи...

Он чуть было не ляпнул: «Джиннам не свойственны трепетные чувства!». Но вовремя опомнился.

— ... Любовь мне чужда.

— Раз так, — хмуро ответила Моника, — то и не судите о том, чего не знаете...

Она встала и бодрым шагом отправилась домой. По пути Пэриш обернулась, но странного незнакомца уже не было. Необычный, однако, разговор у нее состоялся с человеком, чьего имени даже не знала.

***

Валефор мгновение смотрел вслед девушке и став невидимым последовал за ней. Квартира Моники находилась в девятиэтажном доме на Лексингтон-авеню в Верхнем Ист-Сайде. Неподалеку располагался супермаркет, аптека и небольшой ресторан «У Дживса[2]».

Девятиэтажное здание из серого кирпича гордо возвышалось напротив галереи искусств. Небольшая квартирка Моники расположилась на седьмом этаже. Уютное помещение из трех комнат. Деревянные потолки, и фиолетовый пол в гостиной, создавали теплую, и светлую атмосферу. Валефор присел на белый диванчик с темно-синей бархатной накидкой и глянул в окно. Которое выходило на здание галереи.

Пэриш не видела Валефора и села рядом, не подозревая, что в доме не одна. Моника просто сидела, смотря в одну точку, и он начал переживать за ее самочувствие. Но потом, девушка встала и словно зомби пошла на кухню. Пищеблок был оборудован всем необходимым для приготовления всевозможной еды, от простой яичницы до самых изысканных блюд. Моника сделала пару тостеров с джемом, заварила чашку жасминового чая. И все также стоя у столешницы принялась перекусывать. Сухие хлебцы с вареньем, у Валефора язык не поворачивался назвать полноценной едой.

Пэриш не зная, что за ней наблюдают, прошествовала в ванную комнату, раздеваясь по пути. Ее все угнетало. После совершенно ненужных для нее раскопок на острове, жизнь Моники пошла наперекосяк. Ее предал любимый человек, провела целый месяц в лечебнице и в довершении всего, Монику уволили с работы. И теперь работать в медицинской сфере, она не сможет.

Валефор не стал подглядывать за девушкой в ванне. Считал это неприличным и нарушением всех этических норм. Она ведь считала, что находится в доме одна. Кроме того в собственной квартире. Поэтому вполне могла позволить себе, расхаживать голышом. В спальню, Валефор тоже не пошел, хотя любопытство так и подмывало. Но он, засунув свой интерес поглубже, просто улегся на полу. Его габариты не позволяли разлечься на диване. Джинн не был гигантом, но намного превышал и в росте и в объеме, хрупкую хозяйку

квартиры. Да и среднего роста мужчину тоже. Он так увлекся своими планами на будущее и не слышал, когда Моника вышла из душа. Девушка, совершенно не подозревая, что на полу ее гостиной лежит джинн, равнодушно прошла по нему.

Валефор не успел ретироваться с пола. И голая ступня Моника, сначала шлепнулась ему на ключицу, пупок и со всего маху в пах. Он поморщился от боли, но остался лежать на полу. Валефор не хотел ее снова напугать. Пэриш как будто специально осталась стоять на его гениталиях. Но и этого ей показалось мало. Девушка переминалась с ноги на ногу, словно хотела в туалет. Валефор стойчески терпел, когда Моника, наконец, слезет с него.

[1] Антарадус(лат). — Тартус(город в Сирии)

[2] Название придумано автором. Все совпадения случайны.

Здание, где располагалась фирма элитных вин Монэ[1], находилось в Нижнем Манхэттене. Между двух бутиков Тиффани и Виктория Сикрит. Витрины так и пестрили эксклюзивными бикини и лифами. От нежно-розовых тонов, до кроваво-красных. С рюшами, с халатиками, с чулками, выбирать можно бесконечно. На мгновение он представил Монику в одном из таких нарядов, но видение быстро улетучилось.

Валефор вошел в прохладный кабинет фирмы и беспрепятственно миновал секретаршу. Просторная комната была обставлена в духе минимализма, но роскошно. Небольшой стол из канадского клена, под ним настоящий персидский ковер. Кожаное кресло, на котором вальяжно развалился владелец фирмы, стоило немереных денег. Толстый лысеющий мужчина, сидел за столом и что-то скрупулезно записывал. Судя по внешнему виду владельца, пешком он ходит лишь до своей кровати, чтобы положить свое расплывшееся жиром тело, а в остальных случаях мужчина либо сидел, либо разъезжал на авто.

— Здравствуйте, — поприветствовал он, не отрываясь от записей, — присаживайтесь...

Валефор сжал кулаки. Не привык он к тому, чтобы людишки так небрежно к нему обращались.

— Кхм-кхм, — откашлялся он.

Владелец элитных вин поднял голову и окинул посетителя пренебрежительным взглядом.

— Вы кто? — сухо поинтересовался толстяк, — и чего хотите?

Губы Валефора растянулись в улыбке, и только он сам знал, какую опасность она несет.

— Мне нужен ваш бизнес, — коротко ответил джинн.

Кливленд рассмеялся.

— Учитывая вашу дешевую одежду, обувь, отсутствие ролек-са на запястье, вы даже не сможете позволить купить у меня бутылку вина, а уж бизнес...

Валефор снова улыбнулся.

— А кто говорил о покупке?

— В смысле? Вы же хотели получить мой бизнес?

— Получить, — еще одна улыбка скользнула по лицу, — не значит купить. Перед тобой лежит договор дарения. Подписывай... — тихо приказал Валефор.

Сэм Кливленд даже не подозревал о том, кто перед ним стоит. Сначала он счел мужчину за сумасшедшего. Но стоило ему отдать приказ, как неведомая сила заставила взять его в руки паркер. Откуда на его столе оказался договор дарения бизнеса, Сэм понятия не имел. А его посетитель невозмутимо сидел в кресле, сложив ногу на ногу. Рука Кливленда, словно не принадлежала ему. Умом Сэм не хотел подписывать бумаги, но пальцы уверенно держали паркер и подмахнули договор.

— Готово, — ответил Сэм каким-то чужим голосом.

— Вот и славно! — Валефор хлопнул в ладоши, — ты можешь собирать свои вещи и идти на все четыре стороны.

По завершению официальной части передачи бизнеса и знакомства с подчиненными, Валефор стал обустриваться в фирме. Сначала он уволил секретаршу, освободив вакансию для Моники. Ему бы известно, что она осталась без работы, и собирался дать объявление,

что ищет секретаршу.

***

Моника вошла в пустующую квартиру. Сначала обошла все комнаты, словно проверяя все ли на месте, а потом отправилась в душ. Ее не оставляло ощущение, что за ней следят. Пэриш осмотрелась, но квартира была пуста. Может она и вправду сходит с ума? На острове явно творилась какая-то чертовщина. А теперь эта чертовщина и здесь, в ее доме. То, что это было одно и то же, Моника чувствовала. И в довершении всего непонятный разговор со странным незнакомцем. Что-то подсказывало ей, что эта встреча в жизни Монике не случайна.

Перекусив тостерами с джемом и наплевав на свои предчувствия, Пэриш прошла в ванную, раздеваясь по пути. Даже если кто-то и был в квартире, ее это не волновало. Довериться своим странным ощущениям, значит поддаться паранойе, а паранойя — это уже психическое заболевание. В психушку Моника возвращаться не собиралась, поэтому бодро прошествовала в ванную комнату, почти голой.

Вечером, Моника сидела у компьютера в поисках новой работы. Вакансии медсестры, она отмела сразу. Работа кассира ей тоже не подходила. Пэриш не любила нести материальную ответственность. А вот должность секретарши, Монике вполне подходила.

***

После бесчисленных девушек, побывавших в его кабинете. Валефор осознал всю глупость затеи. Ну, почему он просто не подошел и не сказал: *«Ты освободила меня из заточения. Загадывай три желания!»*. Зачем все усложнять?

Дверь в очередной раз скрипнула, и кабинет заполнил нежный аромат хвои. Валефор готов был вдыхать этот запах вечность.

— Здравствуйте, меня зовут Моника Пэриш, я по поводу вакансии... — тихо сказала она, — о, это вы? Незнакомец из парка, который считает настоящие чувства глупостью...

— Присаживайтесь, — предложил он, игнорируя колкость, — я тоже не ожидал вас здесь увидеть... — соврал Валефор.

— Да, — грустно вздохнула Моника, — я и сама не думала, что буду устраиваться секретаршей.

— А чего бы вы хотели? — вкрадчиво поинтересовался Валефор.

Монике достаточно было сказать, *«Хочу самолет!»*. Или что-то в этом роде, чего бы она ни смогла выполнить самостоятельно. Эти слова и будут первым желанием. Конечно, человек вполне сможет приобрести самолет и полететь на луну. Но не Моника. Это не в ее силах. Она не космонавт и не олигарх.

— Ничего, — пожала плечами Пэриш.

— А если, — тоном змея-искусителя продолжал джинн, — я вам скажу, что любое ваше желание исполнится. Что бы вы загадали?

— Любое? — переспросила она, — чтобы меня взяли на работу. Хотя бы сюда...

— Хм, — усмехнулся Валефор. Как и все джинны, он коварный жулик. Конечно, желание Монике было весьма приземистым, но его исполнение зависело от Валефора. В его руках решение, как принять ее на работу, так и отказать.

— Вы приняты. Ваше желание исполнено! Я Валефор, твой хозяин, — сладко улыбнулся он, предвкушая свою будущую власть. Он понимал, вернее, чувствовал непокорность в этой девушке. И эта непокорность пробуждала в нем азарт. Уже после заката, Моника на четверть будет принадлежать ему. Конечно, она не будет видеть оковы на правом запястье, до тех пор,

пока из ее уст не прозвучит третье желание, но это не испортило Валефору настроение. Наоборот, первое желание, огромный шаг на пути к свободе и власти.

***

Моника села за стойку-ресепшен. Она не думала, что ее сразу примут на работу. Пэриш умолчала о своем «отдыхе» в лечебнице. С одной стороны, ей не хотелось говорить самовлюбленному графу о своих злоключениях. С другой, она просто будет работать секретаршей. Валефору может и не прийти в голову проверять прошлое сотрудницы. Это же не ЦРУ.

Перед ее носом хлопнулась стопка бумаг.

— Это нужно отправить по адресам, — распорядился новый начальник.

Пэриш посмотрела на Валефора. Что-то ее в нем напрягало. Особенно подозрительны слова: «*Я твой хозяин*». Тогда, в кабинете, она ничего не ответила. Так как ей нужна была работа, но Моникау они насторожили. Что он имел в виду? Она ведь не зверушка какая-то, что бы быть ей хозяином. Да и остальная речь про желание, тоже весьма странная. Прибавьте сюда его внешний вид, и картина получится такова; король и слуги. Это Монике очень не нравилось.

«Может, уволиться? Пока не поздно... — рассуждала она, отправляя факс. — У каждого бывают заскоки, но если они у сильных мира всего, как у Валефора, то от таких надо держаться подальше...».

От размышлений, ее оторвал телефонный звонок. Какой именно агрегат издавал задорную трель, понять было невозможно. На столе их разместилось целых пять штук. Наконец, Моника подняла нужную трубку и соединила звонящего, с кабинетом директора. Не успел закончить трезвонить один телефон, как зазвонил другой, потом третий. Она только и успевала отвечать:

— Шеф занят, перезвоните позже...

И так целый день. Такое ощущение, что эта фирма занимается не продажей, а благотворительностью. Под конец рабочего дня, Пэриш устала морально. Она никогда не думала, что обычная телефонная трель доведет до нервного истощения. А когда зазвонил ее собственный мобильник, Моника готова была выбросить его.

— Пэриш, — по привычке ответила она, — слушаю.

— Алло, — раздалось на другом конце провода, — Моника, это ты?

— Я, а вы кто?

— Не узнала? Это же я Джастин!

— Ну, и какого черта ты звонишь? — грубо осведомилась она, выплескивая накопленную злость и напряжение.

— Не злись, Мика! — бодро ответил мужчина, — нужно поговорить. Давай встретимся? — не дожидаясь ответа, он продиктовал адрес, — буду ждать тебя к семи часам, — после чего положил трубку.

На этот раз Моника все же швырнула свой телефон, который угодил в цветочную клумбу.

— Каков мерзавец! — возмущалась она, — еще хватает наглости! И этот козел надеется, что я приду? Ха!

Пэриш подняла мобильник и плюхнулась на скамейку. Когда злость немного утихла, и на смену ей пришло любопытство, она не знала, как поступить. С одной стороны,

встречаться с Джастином ей совершенно не хотелось. С другой, наоборот. Хотела встретиться и показать ему, что и без него хорошо живет. И маленькая, темная часть ее души, в тайне мечтала опрокинуть чашку горячего кофе на самое чувствительное место. *«Да, — шептала эта частичка, — хотя бы ради этого, с ним стоит встретиться...».*

[1] Название придумано автором. Все совпадения случайны.

Моника сидела за столиком в кофейне напротив Джастина и не особо его слушала. Пэриш рассеянно осматривала дизайн кафе.

Маленькое, уютное помещение, которое появилось на шестидесятой улице совсем недавно. Здесь располагались всего пять столиков, стойка бариста и небольшой холодильник с десертами. Столики выполнены в форме кофейных зерен, что придавало кофейне свою изюминку. В воздухе витал упоительный аромат кардамона и свежесваренного кофе.

— Эй, Моника, — голос Джастина нагло ворвался в мысли Пэриш, — ты меня слушаешь?

— А должна?! — грубо ответила она, — да после того, как ты со мной поступил, я вообще видеть тебя не хочу!

— Ну, Моника... — Джас накрыл ее руку своей ладонью, — черт попутал. Я как увидел все эти древности, так вообще соображать перестал. А эта бутылка, которую нашла, самая величайшая ценность...

— Угу, — недовольно буркнула Моника, убирая свою руку, — которую ты не преминул стырить!

— Моника, — ласково пропел он, — ты действительно вела себя неадекватно. Но речь не об этом. Бутылка у меня и я могу тебе отдать ее...

— Ну и для чего мне она? За каким фигом?

— Милая... — заискивающе начал Джастин.

— Так, — обрубил Пэриш, — как говорят в морге, ближе к делу! Чего ты хочешь? Зачем позвал? И к чему весь этот разговор о ненужной стекляшке?!

Джастин понизил голос.

— Это не ненужная стекляшка, — возразил он, — а обитель джинна! К сожалению, ты его уже выпустила и теперь бутылка бесполезна. Но эти существа обязаны выполнить три желания того, кто их освободил. Понимаешь? Джинн будет искать тебя, чтобы выполнить твои желания...

— По-моему, — задумчиво произнесла Моника после его тирады, — в психушку на месяц нужно было отправить тебя. Что за бред ты несешь? Джинн? Желания? Совсем крыша течет?

— Моника! — с жаром продолжал он, — это не бред! Согласен, очень похоже на чушь. Но это правда!

— От меня ты что хочешь?! — разозлилась она. Пэриш думала, что он пригласил ее, чтобы извиниться. Но во всей речи Джастина не прозвучало ни одного слова «прости».

— Желание, — тут же ответил он, — всего одно желание! Тебе остается целых два. Пойми, джинн отыщет тебя, и ты должна будешь их загадать. От этого зависит его свобода, понимаешь?

Несмотря на злость и обиду, Моника рассмеялась.

— Ты идиот! Знаешь что?! Оставь меня в покое! Если ты еще раз меня побеспокоишь, то я заявлю в полицию за домогательство! Ясно? И еще... даже если вся чушь про желание, это правда, то можешь даже не рассчитывать на то, что я доставлю тебе такую радость и отдам одно из них!

Она резко встала и как бы невзначай задела чашку с кофе, которую принесли меньше

минуты назад. Меткость у нее, конечно, хромала, но в данный момент, ей мог позавидовать любой снайпер.

Джастин соскочил, как ошпаренный. Хотя почему как? Он и был ошпаренным. Чашка дымящего кофе, приземлилась аккуратно на ширинку. Жидкость быстро впиталась в бежевые фланелевые брюки.

— Ты что с ума сошла?!

— Извини, случайно вышло...

Моника положила пару купюр на стол и, улыбаясь себе под нос, покинула кафе. Ее поступок можно было назвать гадким, но по сравнению, как он поступил с Пэриш, это мелочи жизни. Подумаешь испорченные брюки.

***

Валефор был доволен. Пока все шло по плану. Первое желание уже загадано, а значит, лед тронулся. Фирма, которой он сейчас управлял, его мало волновала. Куда интересней, было наблюдать за Моникой. В принципе, девушка ничем не отличалась от многих, с кем ему удалось столкнуться. Но все же, в ней что-то было такое, что привлекало его.

Валефор слышал разговор своей спасительницы по телефону. И был разочарован, когда она отправилась на это свидание. Но дальнейшие наблюдения оказались более чем продуктивными. Во-первых, он узнал, где находится его сосуд, а во-вторых, Моника немного повеселила его, опрокинув чашку на Джастина. После ухода девушки, джинн не последовал за ней, а перехватил парня в тихом переулке за кафе. Вернуть бутылку нужно было, как можно скорее.

— Эй, — окликнул он Джастина, — подожди...

— Это ты мне? — удивился Пирсон.

Валефор кивнул.

— Есть разговор, — он подошел почти вплотную, — во-первых, — тон джинна оставался обманчиво спокойным, — ты должен вернуть то, что украл. Во-вторых, оставить в покое девушку...

Джастин противно рассмеялся.

— С какой это радости? Моника моя девушка! Кроме того, ты вообще, кто?

— Я? — Валефор недобро прищурился, — тебе лучше этого не знать. Спать спокойней будешь. А бутылочку-то верни... — он протянул руку, — и сейчас же...

Джастин отдавать находку не спешил. У него были свои планы и на Моника и на бутылку. Он действительно верил, что в бутылке находился джинн. Теперь оставалось не выпускать девушку из виду. Там где Пэриш, там и джинн.

— У меня ее с собой нет, — мирно ответил Джастин, ему нужно было отвязаться от незнакомца. И не привлекать к себе внимания.

— Лжешь, — прошипел Валефор, — я слышал твой разговор с Моникой.

— Я и ей соврал, — пожал плечами Пирсон, — ну, пойми ты меня, как мужчина. Мне нужна Мика, но я не идиот, чтобы расхаживать с ценностью по Нью-Йорку! Кроме того, — грустно вздохнул он, — на самом деле, я не в курсе, где эта бутылка. Тогда в психушке, Монике удалось забрать у меня волшебную лампу Алладина. Именно поэтому я и искал встречи с ней.

Валефор прищурился. Он знал, что мужчина врет. А вот в чем конкретно, понять было сложно. Одно джинн мог сказать точно, бутылки при нем не было.

— Ладно, — хмыкнул он, — можешь оставить стекляшку себе! А Моника не тронь! Я

тебя предупредил...

***

После разговора со странным типом, Джастин решил еще раз встретиться с профессором из кафедры археологии. Он был уверен, что ключ ко всему, Моника.

Профессор не заставил себя долго ждать и уже вскоре пришел в кафе. Седой мужчина преклонных лет, в классическом костюме сел напротив Пирсона. Джас рассказал о реакции Моника. О том, что она не верит во все это. И честно признался, что сам не особо в это верит. Джас некоторое время следил за ней, и в окружении Пэриш не было никаких подозрительных личностей. Да и вообще, как можно отличить джинна от обычного человека?

Профессор Нэйтан внимательно посмотрел на собеседника.

— Друг мой, — начал он, — это все мифы и легенды. В реальной жизни все совсем не так. Теорию можно проверять и перепроверять бесконечно. Но ни один детальный анализ супер навороченного прибора, вам не скажет: да, джинны существуют! А в довесок прикрепит пару фотографий для убедительности. Я лишь, рассказал вам о возможности существования этих существ. Но так ли это, не знает никто. Что касается вашей девушки, то... — профессор замолчал.

— Говорите, — поторопил его Джастин.

— Видите ли, если с мисс Пэриш, вдруг произойдет несчастный случай. В ходе, которого она умрет, то джинн перейдет в правление того, у кого сосуд.

— То есть, — оживился Пирсон, — если, к примеру, Моника сойдет машина на смерть, то...

— То джинн будет вашим. Но помните, эти существа коварны и жестоки.

— Спасибо профессор, — он пожал ему руку, — я буду иметь в виду.

***

Моника вошла в квартиру. Она швырнула уже поднадоевший мобильник на диван, а сама прошла на кухню. По дороге домой, Пэриш купила пиццу и сейчас разогревала ее в микроволновке.

Всю дорогу до дома у нее чесалось запястье. При Джастине, она не хотела разглядывать руку. А сейчас задрал рукав, взвизгнула от неожиданности. Металлическое кольцо толщиной с мизинец плотно опоясывало запястье. Прямо по центру, на импровизированном наручнике, больше похожим на оковы, был выгравирован какой-то знак: перевернутый крюк и палочка. Моника с недоумением рассматривала свое запястье. От металлического «напульсника» шла цепь и уходила в никуда, словно некто резко оборвал ее. И что поражало больше всего, что Пэриш не ощущала тяжести. Глядя на цепь и сам наручник, оно должно было хоть как-то чувствоваться, но кроме зуда, Моника ничего не испытывала. Она искала хоть какой-то замок или скважину, чтобы избавиться от оков, но ничего. Идеально гладкое металлическое кольцо.

— Что это такое?! — поражалась она, — откуда?

Пэриш пыталась подцепить наручник ножом, но только расцарапала кожу. На самом же «напульснике» никаких отметин. Она стучала по нему молоточком для отбивных. Пыталась распилить напильником, но потерпела фиаско. Металлическое кольцо не сдвинулось с места. Утешало одно: зуд исчез. Моника уже собиралась вызвать на помощь слесаря, но

передумала. В Нью-Йорке уже вовсю властвовала ночь. Полумесяц мягким светом освещал гостиную. Решив перенести вызов на утро, Моника легла спать.

Будильник истошно запищал, показывая шесть утра. Моника с трудом разлепила веки. Глянув на циферблат, она соскочила, как ужаленная. Пэриш носилась по квартире, словно угорелая, в поисках одежды. Наконец, ровно в восемь ноль-ноль, Моника стояла на остановке, в ожидании автобуса.

Над Нью-Йорком сгустились тучи. Осень наступила внезапно, что нетипично для здешнего климата. Моника стояла на остановке и «клевала» носом. Судя по всему, Морфей еще не выпустил девушку из своего царства. Автобус, скрипнув шинами и выпуская выхлопные газы, остановилась перед людьми. Поток толпы, буквально внес ее в транспорт.

Моника села на свободное сиденье и слегка задрала рукав. Металлический напульсник никуда не исчез. Она тяжело вздохнула. Вызов слесаря опять пришлось отложить до вечера. Пэриш все же надеялась, что вчера вечером, ей показалось и уже утром ничего не будет. Но...

«Остановка 7 авеню. Бродвей — раздалось из динамика».

Моника поспешила выйти. Работа секретаршей не доставляла ей удовольствия. Но она все же была рада, хотя бы этому. Странно, но у пешеходного перехода никого кроме нее не было. Стоило Пэриш шагнуть на проезжую часть, как откуда ни возьмись, вылетела черная иномарка. Автомобиль несся на огромной скорости и даже не думал останавливаться.

Кто-то резко дернул Монику за руку и оттащил от летящей машины. Она больно стукнулась носом об плечо незнакомца, но это были мелочи, по сравнению с тем, что еще немного и Пэриш бы отскребали от асфальта. Когда же, Мика пришла в чувства, то обнаружила, что находится в объятиях своего начальника. И как он только здесь оказался?

— М-м-мистер Валефор? — заикаясь, спросила Моника, — простите, я не знаю вашей фамилии...

— У меня ее нет. — Буркнул он.

— Спасибо! Вы спасли мне жизнь...

Джин как-то странно посмотрел на нее. Конечно же, он спас ей жизнь. И если понадобится, сделает это еще раз. Валефор не мог позволить умереть своей спасительнице до тех пор, пока она не загадает свои желания. Он интуитивно знает, когда Монике грозит опасность и всегда оказывается рядом в нужный момент. Но сейчас, что-то было по-другому. Что, Валефор не знал. Но чувствовал: в данный момент спас Пэриш не только из-за невыполненных желаний, существовало что-то еще. Тонкое и незримое.

На плече Валефора материализовался белый ястреб. И Пэриш едва отошла от шока, как снова была поражена. Ну откуда взялась птица? Да еще и на плече у ее начальника.

— Лети за той машиной, — кивнул Валефор в сторону уехавшего автомобиля.

Ястреб склонил голову, как бы прислушиваясь к голосу мужчины, затем встрепенулся, словно отряхываясь от воды. И взмахнув крыльями, улетел.

Валефор все так же прижимая Монику за талию, увел от дороги вглубь парка. Пора было рассказать ей кто он. Усадив девушку на скамейку, джинн сел рядом. Какое-то время он молчал, после чего тихо, но твердо заговорил.

— Я джинн, — начал он, — ты освободила меня и имеешь право на три желания. Но, — Валефор поднял указательный палец, останавливая ее возражения, и продолжил: — Как только я исполню последнее желание, ты окажешься в моей власти.

Моника внимательно посмотрела на Валефора. Весь его внешний вид прямо-таки кричал о его нездешности. Но она отказывалась верить его словам. Ну, что за чушь? Какие желания? Да даже если это правда, Пэриш не собиралась становиться рабыней джинна.

— Что будет если я так и не задам третьего желания? — спросила она, не веря тому, что произнесла эти слова. Моника всегда была рациональным человеком и всему находила логическое объяснение. И сейчас, она готова была назвать Валефора сумасшедшим, но почему-то знала, что он говорит правду.

— Ты умрешь через три года, — коротко ответил он, — когда ты открыла сосуд и выпустила меня, то вдохнула мою энергетику. С человеческим телом она не совместима. Пока флюиды медленно распространяются по твоему телу, но через определенный срок, моя аура поглотит тебя.

— А если я загадаю все три желания, то окажусь в твоей власти и буду жить до старости?

Валефор покачал головой.

— Нет. Будешь жить до тех пор, пока это нужно мне. Проще говоря, ты можешь прожить как двадцать лет, так и две тысячи. Оставаясь в том же возрасте, что и сейчас...

— Но я не хочу становиться твоей рабыней! — возразила Моника. Она не верила в происходящее. Пэриш казалось, что все это происходит не с ней. Как будто, стала зрителем дурацкого кино. — И не собираюсь становиться ею! — выделяя каждое слово, произнесла Моника. — Я лучше умру!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она встала со скамейки, но тут же села.

— Хотя, — Моника улыбнулась, — У меня есть желание. Никогда не знать тебя! Я хочу, чтобы ты повернул время вспять! И чтобы нога моя не ступала на остров Поллепель! — торжественно завершила она.

— Это невозможно! Есть ограничения. Желания, которые джинн не может выполнить!

— А, точно! — Пэриш хлопнула в ладоши. — Ты не можешь воскрешать, убивать и влюблять против воли!

— Нет, — усмехнулся Валефор, — убить для меня раз плюнуть! Заставить полюбить двух людей запросто! Ну, а с воскрешением ты угадала. Этого сделать не могу...

— Тогда какие ты не можешь выполнить?

— Все что касается моего исчезновения! То есть я не могу повернуть время вспять и сделать так, чтобы ты меня не выпустила. Желание вроде: «Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое!», тоже не выполню. Но в остальном мне нет равных. Кроме того, ты уже загадала первое желание!

Пэриш фыркнула.

— Когда бы я успела?! — недовольно спросила она.

Валефор взмахнул рукой, и перед глазами возникла картина: вот она сидит в кабинете и пытается устроиться на работу, произнося такие слова: «Хочу, чтобы меня взяли на работу. Хотя бы сюда!».

— Но это жульничество! — возмутилась Моника, — мои слова нельзя назвать желанием!

Хитрая усмешка озарила лицо Валефора, сделав его похожим на кота, проглотившего канарейку.

— Ну, немного схитрил... — подтвердил он, — но все же это было твоим желанием. Ты

хотела устроиться на работу и взять тебя на службу или отказать было в моей власти, — он снова лучезарно улыбнулся и взял ее правую руку, — и первые оковы уже есть...

— Так это из-за желания?! Я ведь хотела вызвать слесаря...

Валефор рассмеялся.

— Вот уж глупость! Даже если ты отпилишь свою руку, оковы не исчезнут! Но, — он задумался, — почему ты их видишь?

— Дурацкий вопрос!

— Нет, — возразил Валефор, — ты не должна была их видеть вплоть до последнего желания...

***

Джастин сидел в черном «Ниссане» и ждал. Его ступня в нерешительности тихо постукивала по педали газа. В мужчине играло два чувства: страх попасть за решетку за убийство и желание обладать джинном. Стоило Монике ступить на белую полосу пешеходного перехода, как Пирсон вдавил педаль газа в пол. Джастин решил, что если в его подчинении будет джинн, то тюрьма ему не грозит.

Но его планам не суждено было сбыться. Буквально перед самым капотом неизвестный оттащил Моника с проезжей части. Рассматривать, кто это был, Джастин не мог и продолжал гнать машину до конца улицы. Пирсон вышел из машины и, не закрывая дверь, спустился к «Бэттери-парку».

Парк состоял из множества памятников и монументов. Возле одного из таких Джастин в задумчивости остановился. Круглая металлическая скульптура стояла в центре фонтана. Сфера символизировала мир через мировую торговлю. Взгляд Джастина переместился от монумента к мемориальной доске.

На металлический шар, прямо по центру изящно приземлилась птица. Белый, словно свежавывающий снег ястреб наблюдал за мужчиной, который его естественно не видел.

***

Три года. Через это время, если Моника не загадает пресловутые желания, то она умрет. Правда это или нет? Узнать можно только по истечению срока. Ей не было смысла не верить Валефору. Явным доказательством его слов служили странные оковы, белая птица, неизвестно откуда взявшаяся на его плече. И подкреплялось все это пламенной речью Джастина. О джинне, о его сосуде, о желаниях. Выходит, что Пирсон не врал? Но Моника не собиралась становиться рабыней Валефора. Да и вообще, зачем она ему понадобилась?! Завтрак в постель приносить и спинку в ванне потереть? Хотя если он не человек, то возможно не ест и не моется? Моника принялась. Вроде пахнет мужским одеколоном.

— Что ты делаешь? — вырвал из глубоких размышлений голос Валефора.

— Принимаюсь! — не соврала она, — раз ты джинн, то не пользуешься благами человека, а значит...

— Ты решила, что я буду вонять как пещерный человек? — рассмеялся Валефор. — Ты права. Я не пользуюсь благами человека, только теми, что создала природа. Но, — он поднял указательный палец, — только тогда, когда я являюсь самим собой. Сейчас же я в облике обычного человека.

Моника нахмурилась, вспоминая сказку про Алладина.

— То есть, ты синего цвета, лысый и с одним единственным хвостиком на голове? Ах

да! Еще вместо ног у тебя что-то наподобие хвоста змеи...

Валефор заливисто рассмеялся.

— Конечно, нет! В принципе моя внешность такая же, как и сейчас. Только я немного превышаю в габаритах и за спиной имею два крыла.

— Да ну? — усомнилась Пэриш.

Джинн кивнул.

— Да. Одно — черное, другое — белое...

— А почему разного цвета?

Валефор удобней уселся на скамейку, вытянув вперед ноги, и пояснил:

— Понимаешь, мы зависим от человека. Джинны могут быть, как злыми, так и добрыми. Если их освободитель с открытой душой и желания у него не эгоистичные, ну вроде таких как, «Захватить мир!», «Стать Богом!». Ну и так далее, то черное крыло, меняет свое оперение после трех желаний на белое. И та же самая метаморфоза происходит с белым крылом.

— То есть изначально ты состоишь пятьдесят на пятьдесят?

— Точно. — Подтвердил Валефор.

— И от меня зависит, каким ты станешь?

— Снова верно. Но это не значит, что я стану ангелочком и буду помогать всему человечеству, воспевая арии. Просто могу сделать поблажки, — он внимательно посмотрел на нее, — тебе. В дальнейшем. А если быть честнее, то мои собратья, чаще всего убивали тех, кто их освобождал. Ну, после исполнения всех желаний естественно!

— Почему? — удивилась Пэриш.

— Ну, это длинная история и начало заложено слишком давно. Но могу сказать, что все те люди, желали править миром. Проще говоря, были жадными и алчными. Еще не один человек освободивший джинна не пожелал добра и блага не для себя любимого, а ради ближнего! — со злостью в голосе ответил Валефор.

— Значит, — задумчиво подвела итог Моника, — меня тоже ждет смерть. Причем при любом раскладе...

— С чего ты взяла? — удивился джинн.

— Я ведь тоже желания для себя любимой загадала.

— Ну, — потянул Валефор, — как ты сама сказала, это было небольшим жульничеством. Скажем, если у тебя бы просто были заветные желания, чтобы ты загадала?

— Ага! — фыркнула Пэриш, — так я тебе и сказала!

— Обещаю, — Валефор пожал ей руку двумя ладонями, «перчатка»[1] — честно.

Моника странно на него поглядела, но промолчала. Она молчала так долго и, джинн решил, что она не поверила ему и не ответит.

— Я бы загадала, чтобы вновь вернуться к работе медсестры... — тихо произнесла она.

— Почему?

— Ну, мне нравится моя работа. Помогая больным людям, разговаривая с ними, я ощущаю себя лучше. На душе становится легко и светло. Хотя когда я училась, нам говорили, что медперсонал не должен привыкать к пациентам. Но у меня все равно не получается...

— Тогда это не эгоистичное желание. — Валефор снова сменил позу, положив ногу на ногу, — ты помогаешь людям. Пусть это твоя работа, но многие пожелали бы совершенно другого. Например, стать актером, певцом и так далее. Кстати могу его исполнить, если

хочешь?

— Нет! — твердо ответила Моника, — несмотря на спасенную жизнь и душещипательную беседу, я не собираюсь становиться чей-то собачонкой, да еще и на цепи!

Пэриш встала и быстрым шагом покинула небольшую и на удивление тихую и пустынную улочку.

[1] Рукопожатие «перчатка» — честность.

Моника шла, не разбирая дороги. В конце концов, завернула в кафе. Выбрав одиночный столик в углу, Пэриш села и попыталась разобраться в ситуации. Все услышанное можно непременно назвать полным бредом. Но есть одна деталь. Оковы. Эта железка появилась ниоткуда. Да еще и с каким-то иероглифом. Кроме того, Пэриш и, правда, пытались убить. В этом сомнений не было. И, к сожалению, она знала, кому принадлежит иномарка. Джастин. Несмотря на то, что он снял номера, Моника узнала эту машину. По каким признакам Пэриш ее узнала, сама не могла понять. Просто чувствовала.

Рассказ Валефора оправдывал все случившееся. Откуда бы незнакомому человеку знать о случае на острове? Только если он сам там не присутствовал. Да и само его имя весьма необычное. Моника еще вчера вечером хотела погуглить, но как-то не дошел ход. Что делать дальше, она не знала. Три года. Это был ее срок. И либо Моника станет прислужницей джинна, либо умрет.

Она вернулась домой и первым делом влезла в интернет. Гугл не сказал ей ничего интересного. Множество ссылок на запрос «Валефор», выдавали информацию в один абзац.

«Валефор — шестой джинн. Управляет десятым легионом духов. Ему подвластны стихии воды и воздуха».

И все. Больше никакой информации. Что за легион духов, Пэриш понятия не имела. Наверное, такие же бедолаги, как она, имеющие счастье выпустить джинна из бутылки.

Моника еще немного порылась в интернете, ища, информацию о джиннах и наткнулась на одну ссылку. Правда, она была посвящена сериалу «Сверхъестественное», но там шла речь о том, как можно избавиться от этих существ.

«Слабости: Серебро и кровь ягненка — серебряным ножом, смоченным в крови ягненка, можно убить джинна».

— Отлично, — буркнула Пэриш, — осталось найти ягненка и набраться духу, чтобы его прирезать...

Моника встала с тала нервно вышагивать. Точно! Профессор Джон Нейтан! Она знакома с ним шапочно, но Джон вполне может дать дельный совет. Пэриш уже собиралась позвонить ему, как прямо перед ней, материализовался белый ястреб. Так же, как и в первый раз, птица появилась буквально из воздуха.

Образ ястреба начал подергиваться, после чего началось такое! Что, даже наблюдая за всем процессом, Моника отказывалась верить в происходящее.

Постепенно, маленькая голова ястреба, заменила человеческая. Вместо мощных лап с длинными когтями, появились человеческие ноги. Птице-человек резко помахал крыльями, словно отряхиваясь от воды. И уже через мгновение, крылья заменили руки. В конечном итоге, перед Моникой стоял мужчина лет тридцати. Длинные пепельные волосы спускались по плечам. Зоркий взгляд серых глаз внимательно смотрели в ее сторону. Он был симпатичным и абсолютно голым.

— О боже! — отмерла Пэриш, — какого...?!

— Извините, — незнакомец поклонился, — могу я воспользоваться вашим покрывалом? — тихо спросил он.

— Э-эм...да, наверное... — пробубнила Моника.

Человек, который еще пять минут назад был птицей, стянул фиолетовую накидку с

дивана и с изяществом и грацией хищника, накинул на себя.

— Меня прислал мой Повелитель, — начал он, — Он велел не позволить вам натворить глупостей...

— Глупостей? — переспросила Пэриш. — Каких именно?

— Например, навестить профессора Нейтана...

— О-от-куда он знает, что я собираюсь сделать?

— Вы связаны с ним, — нежданный гость ткнул пальцем в ее запястье, — Меня зовут Амулий, — мужчина поклонился, — я тотем Валефора. Его страж и защитник. Профессор Джон Нейтан заодно с тем, кто пытался убить вас.

— Джастином?

Амулий кивнул.

— Я не могу быть в мире людей слишком долго. Ваше покрывало я оставлю. Так что можете не беспокоиться...

— Э, нет! Забирай его с собой! Я все равно, больше никогда им не воспользуюсь.

— Почему? — искренне удивился Амулий?

— Потому, — буркнула Пэриш.

Мужчина недоуменно пожал плечами и сбросил покрывало. Моника резко отвернулась.

— Какого черта?! Мне хватило и одного раза!

Но Амулий уже не мог ей ничего ответить. Он лишь широко взмахнул крыльями и вылетел в окно.

***

Валефор сидел в обеденном зале своего замка. Огромный дворец располагался высоко в горах. И если ты не птица, то вряд ли сможешь попасть в него. Замок Валефора не был огражден высоким забором, как это принято у королей. Да и зачем? Попасть сюда могли лишь немногие. Единственной оградой был барьер от посягательств ведьм. Раса джиннов не особо дружит с ведьмами. Хотя, с этими эксцентричными женщинами мало кто дружит. Вампиры, оборотни никто из них не желает иметь дело с ведьмами. Они высокомерны и жестоки, но исключительно к нелюдям. Человеческие жизни ведуньи будут защищать от любой нечисти.

Учитывая тысячелетнее пребывание Валефора в тесном сосуде, он любил большое пространство, поэтому мебель во дворце практически отсутствовала. В обеденном зале, по центру разместился стол. Это был обычный стол длиной в метр, окруженный деревянными, обитым красным бархатом стульями и одним единственным большим креслом, больше похожим на трон.

Валефор вальяжно сидел в кресле, смакуя вино урожая 1855 года. Наслаждаясь сложным вкусом с оттенками фиалки и миндаля, он непринужденно слушал отчет Амулия.

— Я сделал, как вы велели. Госпожа Пэриш не пойдет к профессору...

— Отлично!

Валефор поставил бокал на стол и встал. Он нервно расхаживал, обдумывая дальнейшие действия. Стук его каблуков эхом разносился по залу. Джинн резко остановился.

— Я знаю, что нужно сделать, чтобы она загадала свои желания...

— И что же? — поинтересовался Амулий.

— Нужно создать для нее условия, ситуацию, понимаешь? Таковую, из которой она не сможет выпутаться сама и будет вынуждена загадать желание! И у меня уже есть на примете один план. — Он внимательно посмотрел на стража. — Я в город.

***

Моника бесцельно щелкала пультом. На экране мелькал какой-то фильм, но ее мысли были далеки от кино. Получалось, что ей оставалось только ждать истечения срока. Другого выхода просто не существовало. Загадывать желания она не собиралась, но и умирать тоже не хотелось. Пэриш резко встала, полная решимости избавиться от своих оков. Если у нее это получится, то можно смело послать джинна куда подальше.

Моника набрала номер слесаря. Когда-то он чинил в их доме трубы и каждому жителю оставил свою визитку. Но прежде, чем пошли гудки, положила трубку. Валефор говорил, что никто не видит этого наручника. Что если это правда? А она сейчас вызовет специалиста и будет выглядеть настоящей идиоткой в его глазах.

В гостиной послышался какой-то неопределенный звук, и Моника крадучись направилась туда. На ее диване сидел необычный визитер. Валефор расселся на софе, словно король на троне. Пэриш более не крадясь, вошла в комнату. Она встала напротив своего визави, демонстративно скрестив руки на груди.

— Ну и какого черта ты здесь делаешь? — грубо осведомилась она.

— Ай, как некультурно... — мужчина покачал головой и щелкнул пальцами. В его руках оказались какие-то бумаги. — Это, — заговорщицки продолжил Валефор, — оффшорный счет на Сейшелах, два с половиной миллиона долларов.

— И что? Никогда не считала чужих денег! — буркнула Моника.

— А они не чужие. Твои. — Усмехнулся джинн.

— Мои? Два с половиной миллиона?! Да ну?!

Валефор улыбнулся, а в его глазах плясали чертята.

— Да, — подтвердил он и протянул ей несколько листочков, — твои.

Моника пробежалась глазами по тексту, но ничего не поняла.

— Я не совсем понимаю...

— Я с удовольствием объясню.

Валефор вольготно развалился на диване, положив лодыжку одной ноги на колено другой, и чуть подался вперед.

— Ты их украла, — пояснил джинн. — У фирмы «Монэ» и переправила на свой счет на Сейшелах. Кроме того, на договоре твоя подпись и пальчики, а сейчас...

Валефор открыл крышку карманных часов и начал считать от пяти в обратном порядке. Как только с его уст сорвалось «один», раздался звонок в дверь.

— А вот и полиция, — джинн нагнулся к уху Моника, — по твою душу, — сладко произнес он, — но ты можешь все исправить. Достаточно загадать желание...

Моника отвлеклась на стук, а когда повернулась, Валефора уже не было. В итоге, она осталась стоять одна с договором в руках и кучей ворованных денег на каком-то счете. И никаких доказательств обратному.

Полиция энергично стучала в двери, а Моника судорожно соображала, что делать. Она скомкала договор и выбросила в мусорное ведро. И только после этого, открыла дверь. На пороге стояли двое мужчин в форме. Один из них совсем молодой. Из чего Моника сделала вывод, что он стажер.

— Мисс Пэриш? — спросил тот, что постарше, — вы задержаны по подозрению в мошенничестве!

— На каком основании? — Моника скрестила руки на груди. — Ордер на арест у вас есть?

Молодой щуплый брюнет, расстегнул карман и достал свернутый лист.

— Пожалуйста, — продемонстрировал полицейский. — Можете ознакомиться...

Моника держала в руках ордер. Отпираться было бесполезно.

— Хорошо, — сдалась она, — я только переоденусь.

В полицейском участке было шумно. Возле дежурной части бушевала старушка, буквально атакуя будку дежурного. Двое полицейских тащили под локти девушку, которая едва держалась на ногах, а на ее лице алел синяк.

Монику провели по узкому коридору в допросную. Когда они проходили мимо очередной комнаты, оттуда выскочил мужчина. Лысый толстяк, грозно махал кулаками и сыпал оскорблениями, адресованные Пэриш.

— Мерзавка! Она обанкротила мою фирму! Приличные люди больше не обратятся в «Монэ»! Стерва...

Он бы и дальше брызгал ядом, но довольно крупный мужчина в гражданской форме, гаркнул на него. И владелец фирмы заметно успокоился. Он по-прежнему грозил кулаками, но уже не орал.

Моника находилась в легком недоумении. Вроде владельцем фирмы «Монэ», являлся Валефор. А этого мужчину, она видит впервые. Хотя, Пэриш работала всего один день и никаких договоров не подписывала, только отвечала на вопросы. Теперь до нее дошло, в каком дерьме, Моника оказалась. Владелец возможно подставной, а может наоборот хозяин настоящий, а вот Валефор занимал чужое кресло и исключительно в своих целях. От раздумий ее вырвал голос следователя.

— Мисс Пэриш, вы признаетесь в мошенничестве по отношению к фирме «Монэ».

— Нет, — сухо ответила она, — не признаю! Я этого не делала.

— Мисс Пэриш, вы же понимаете, что факты, вещь упрямая? На договоре ваша подпись.

— Послушайте, — начала оправдываться Моника, — посудите сами. Чтобы перевести деньги с одного счета на другой, да еще так, чтобы тебя не сразу засекли, надо быть хакером. А я не очень дружу с компьютером. Так, документик распечатать, текст накропать, да в гугл залезть, это, пожалуйста, а все остальное для меня лес дремучий. Кроме того, если бы я впрямь стащила такие бабки, сидела бы я сейчас здесь? Однозначно нет. Тусила бы на тех же Сейшелах!

— Логика в ваших словах есть, но вот вам улики.

Детектив положил перед Моникой сначала помятый договор, который она выбросила, затем и билет на самолет.

— Мы провели обыск в вашей квартире. Это, — мужчина ткнул в билет, — билет на

Сейшельские Острова. Как вы сами и сказали. Вы все сделали правильно, только улететь не успели.

— Ложь!

Пэриш встала.

— Это все этот кретин! Господи, как я ненавижу Джастина! Если бы не он, я бы никогда не оказалась на этом проклятом острове! И уж тем более не выпустила Его! Монстра, чудовище и подлого засранца на свою голову.

Она резко замолчала и посмотрела на детектива. Пэриш буквально сверлила его взглядом.

— Знаете что? Передайте этому мерзавцу, что никакого желания не будет! Обойдется!

Моника села, скрестив руки на груди.

— Больше я ничего не скажу без адвоката!

— Офицер, — позвал детектив, — уводите в камеру...

***

Валефор праздновал свою победу. Второе желание у него почти в руках. Она непременно его загадает. Ей просто некуда деваться. Не станет же Моника сидеть в тюрьме. Ради всей авантюры, он даже подключил настоящего владельца фирмы. Так что план должен был сработать на ура.

— Повелитель, — раздался тихий голос Амулия. — Могу я задать вопрос?

Валефор кивнул.

— Зачем вы так поступили? Сами же говорили, что Моника слишком много пережила, а теперь загнали ее в ловушку?

— Если гора не идет к Магомеду, Магомед идет к горе! — пояснил джинн. — Мне нужны ее желания! Иначе в ловушке окажусь я! Ты же знаешь, что если Моника умрет, так и не загадав желания, то я вернусь в бутылку. И моим хозяином станет Джастин и уже навсегда!

Валефор встал, похлопал Амулия по плечу и исчез. Появился он уже в камере Моника, но не стал проявлять себя, а наблюдал. Девушка сидела на деревянной скамье, прислонившись к стене. Тусклая лампочка освещала лишь небольшой участок комнаты. Джинн сел рядом, он заметил слезы на ее щеках. В груди что-то дрогнуло, но тут же исчезло. Сейчас у Валефора был выбор, либо она, либо он.

— Ну что? — поинтересовался джинн, становясь видимым для нее, — желаешь стать свободной?

Моника резко встала.

— Не дождешься! Проваливай!

— Ну-ну... — Валефор усмехнулся, — думаешь, что сможешь обойтись без меня?

— Запросто! — фыркнула Пэриш. — Знаешь почему? За мошенничество в крупных размерах, мне светит от трех до пяти лет. И-и-и... — загадочно потянула она, — я просто не доживу! — торжественно завершила Моника. — Так что... — девушка подалась чуть вперед, таким образом, она оказалась лицом к лицу с Валефором. — Обломись!

Валефор молчал. А что он мог сказать? Моника была права. И в данный момент он облажался по полной программе. Еще ни разу ему не доводилось встречать такую упрямую девушку.

— Почему ты такая упрямая? — нарушил он тишину.

— Я не упрямая. Я упертая.

— Может, поможем друг другу? — вкрадчиво спросил Валефор. — Ты загадываешь оставшиеся два желания, а я буду к тебе снисходителен в будущем?

— О, Ваше Превосходительство, — Пэриш присела в реверансе. — Я польщена, — сарказм был очевиден.

— Нет, — продолжал Валефор, — правда! Я даже буду относиться к тебе на равных, когда мы наедине...

— Я дважды польщена, — буркнула Моника.

— Хорошо, — продолжал уговаривать джинн. — Я сделаю так, что на тебе не будет оков...

— Я польщена дальше некуда! — фыркнула Пэриш. — Ты серьезно?! Думаешь, я верю тебе? Хитрожопому жулику? О-бло-мись!

Последнее слово Моника произнесла по слогам и прямо в лицо наглому джинну. Тем самым разозлив его. Она практически плюнула ему в лицо и послала ко всем чертям. Джинн не привык терпеть от людей такого отношения. Пусть даже и от своей спасительницы. Валефор зло прищурился, в его глазах плясал недобрый огонек. Он резко схватил ее за подбородок.

— Ты еще пожалеешь, — прошипел он у самых губ девушки. — Очень пожалеешь о выбранном решении...

***

Моника высказала ему все, что хотела. А в довершении всего и разозлила Валефора. Реакция джинна не заставила себя ждать. Валефор грубо схватил ее за подбородок, но, несмотря на это, больно ей не было.

Лицо Валефора оказалось в паре сантиметров от ее собственного. Его дыхание обжигало губы. Сердце Моника билось в бешеном ритме, но не из-за страха. Сама не зная почему, Пэриш не боялась его. Хотя и стоило бы. Властного и наглого джинна видимо разозлило слово «Обломись» и то, каким тоном оно было сказано.

Но его реакция даже понравилась Монике. Очень хорошо, что он разозлился. Значит, Пэриш шагает в нужном направлении. И ни за что не сдастся ему на милость. Валефор никогда не услышит оставшихся желаний. Даже если она окажется в полном дерьме, как и сейчас.

Моника отпихнула руку джинна.

— Лапы убери! И катись отсюда в свои хоромы! Разговор окончен...

Она села на скамейку и обхватив колени руками, прислонилась к стене.

Уснуть на жесткой деревяшке именуемой кроватью, было невозможно. Но Монике все же удалось отправиться в царство Морфея.

Ей снился маленький домик, окруженный душистыми кустами роз. От цветов исходил приятный манящий запах. Моника привычным движением открыла дощатую калитку и вошла во двор. Она шла по выложенной камнями тропе к дому. У входа, весело махая рукой, стояла старушка.

— Бабушка!

Моника кинулась обнимать давно умершую бабушку, вдыхая такой родной аромат домашней выпечки.

— Ну-ну...

Бабушка утерла слезы любимой внучке.

— Не реви. Сейчас чаем напою...

Старушка завела ее в дом и, усадив за стол, принялась хлопотать, приговаривая:

— И как тебя угораздило связаться с этим существом? Ну, ничего-ничего. Я помогу тебе справиться. Только внимательно меня слушай и не перебивай...

Из рассказа любимой бабушки, Пэриш узнала удивительные вещи. Во-первых, в ее жилах течет кровь ведьмы. Мать Монике магический дар почему-то обошел стороной. А вот в бабушке и в ней самой, была огромная сила. Во-вторых, джинна, от которого казалось невозможно избавиться, все-таки можно уничтожить. А точнее запечатать обратно в бутылку. И ей, Монике это по плечу, достаточно лишь разбудить свой магический дар.

— Но, — бабушка поучительно подняла указательный палец, — для начала, ты должна стать свободной. Так что, используй второе желание, чтобы оказаться на воле...

— Но бабушка! — возмутилась Моника.

Старушка взяла лицо внучки в свои дряблые руки.

— Не бойся дитя, слушай свое сердце и кровь. Они будут верными спутниками в течение всей твоей жизни...

***

Моника резко открыла глаза. Она огляделась. Вокруг была все та же тюремная камера. Голые стены, цементный пол и неудобное ложе. Пэриш вытерла мокрые щеки. Сон. Это был всего лишь сон. Но такой явный, словно это случилось на самом деле.

Ее бабушка умерла, когда Монике стукнуло двенадцать лет. Пока отец был жив, он почему-то не жаловал визитов дочери к любимой бабule. Но потом, когда Рика сгубил рак, тогда ей едва исполнилось восемь, Моника буквально прописалась у бабушки. И сколько она себя помнила, Синтия всегда занималась чем-то странным.

Старушка, как и все бабушки, пекла булочки, плюшки и пироги. Но помимо этого, к ней часто приходили незнакомые Монике люди, которым бабушка давала какие-то травы и настои. И сколько бы Пэриш не спрашивала Синтию об этом, бабушка всегда отшучивалась. А теперь этим действиям нашлось объяснение. Ее любимая бабуля ведьма. И она, как оказалось, тоже ею является.

Моника решительно встала с кровати. Желание. Она должна загадать желание, а потом найдет способ избавиться от хамоватого существа. Но перед ней встала весьма трудная задача. Ей еще никогда не приходилось вызывать джинна. Валефор всегда приходил сам. Без

приглашения. Пэриш в раздумьях стала расхаживать туда-сюда. В ее сне, бабушка сказала, что даже если джинн и следит за ней, то он не может проникнуть в ее мысли. Главное не рассуждать вслух.

— Валефор! — громко крикнула Моника, — я готова загадать второе желание!

***

Валефор крушил обеденный зал. Впервые, он столкнулся с такой проблемой. Джинн рассчитывал, что Моника, после пару проведенных ночей в камере, тут же кинется загадывать желание. А девушка просто посмеялась над ним и послала куда подальше.

Валефор стукнул кулаком в стену. Это был тупик. Провал. Ну, почему именно она откупорила, этот чертов сосуд? Почему не Джастин к примеру? Ну, выполнил бы он его желания и жил бы себе спокойно. Но нет. Судьба злая шутница. И его спасительницей стала упертая девчонка.

«Валефор! — услышал он ее голос, сквозь гуцу мыслей, — я готова загадать второе желание!».

Валефор не поверил собственным ушам. Но когда зов повторился, он готов был приплясывать на месте. Выходит, девчонка не такая уж упертая?

Уже через мгновение джинн стоял перед своей хозяйкой.

— Слушаю и повинуюсь... — с довольной ухмылкой, произнес он, — чего изволите?

— Стать свободной! Я хочу выбраться из этой камеры и вернуться в свою квартиру!

Очередная ухмылка озарила лицо Валефора, а в следующую минуту, Моника окружали родные стены ее квартиры.

***

Оказавшись в своей квартире, Моника хотела прогнать Валефора, но передумала.

— Валефор, — ласково пропела она, — я хочу загадать третье желание. Но пока не могу. Пойми, я много чего желаю, а на чем остановить свой выбор, не знаю. Дай мне месяц. Я определюсь с желанием и когда буду готова, загадаю, окей?

Джинн внимательно на нее посмотрел. Пэриш вела себя странно. Она явно что-то затеяла, а вот что, Валефор понять не мог. Он согласно кивнул, но про себя решил следить за ней.

— Договорились, — сладко улыбнулся джинн и не удержал любопытства, — скажи, почему ты так быстро сдалась? Просто вчера ты явно дала понять, что лучше умрешь, чем загадаешь желания?

— Я подумала, что хуже смерти быть ничего не может. Как говорится: *«Выхода нет, только из гроба!»*.

— Ну, что же... — довольно ухмыльнулся он, — хорошая девочка...

Валефор потрепал ее по голове, словно ребенка, после чего исчез.

Стоило джинну исчезнуть, как Моника кинулась к книжному шкафу. Среди томов, находился секретный отсек. Пэриш открыла небольшой ящичек и, пересчитывая купюры, набрала номер кассы.

— Добрый день девушка, мне нужен билет до Хэмптона. Хорошо, значит, в двенадцать от станции Пенсильвания? Спасибо...

Ровно в 12:00 Моника села в автобус, искренне надеясь, что Валефор поверил ей и сейчас не следит. До Хэмптона, был неблизкий путь, поэтому Пэриш устроилась поудобней и решила поспать.

Разбудил Моника, тихий и приятный голос девушки-проводницы.

— Мисс, мы приехали...

Пэриш разлепила глаза, поблагодарила девушку и вышла из автобуса. Ей повезло, на стоянке стояло несколько таксистов. И сев в одну из желтых машин, отправилась в самый дешевый отель «Бельмонт».

Когда Моника вошла в свой номер, то там ее уже ждал привычный визитер. Валефор вальяжно развалился в кресле. В этот раз волосы мужчины были распущены. Простая рубашка расстегнута до пупа, ноги слегка облегали черные брюки.

— Ты решила от меня смыться? — джинн скрестил руки на груди, — правда? — с иронией поинтересовался он.

— А разве этого возможно? — съязвила Моника в ответ, — правда? — хмыкнула Пэриш. — Я просто приехала к бабушке на могилу. И будь любезен оставить меня одну! Мы же договорились? Или ты не мужчина? Ах, да! — хлопнула она в ладоши. — Ты же хитрый жулик, а я-то наивная поверила тебе...

— Ладно, — хмыкнул Валефор, — мы действительно договорились и я не стану нарушать условие сделки, но учти... — джинн встал и чуть склонился. Таким образом, оказавшись лицом к лицу с Моникой. — Если ты что-то задумала, — очередная ухмылка, — тебе несдобровать...

***

Валефор исчез, но только для Моника. На самом же деле, он решил убедиться в том, что она говорит правду и просто стал невидимым. Джинн внимательно наблюдал за девушкой. Сначала она осмотрелась, а потом пошла в ванную. Шум воды явно давал понять, что Моника решила искупаться, но в этот раз, Валефор вошел в душевую.

Пэриш стояла под струями воды, закрыв глаза. О чем она думала, Валефор не знал. Джинн, подперев косяк, остался наблюдать. Вылив порцию геля на руку, Моника начала растирать им свое тело. После этого движения, Валефор нервно сменил позу. Девушка не видя его и сама того не подозревая, соблазняла джинна. Он закрыл глаза, представляя вместо ее ладоней, свои. Как медленно намыливает тело Моника: шею, плечи, грудь...

Резкий стук вырвал его из прекрасного видения. Валефор распахнул веки, оказалось, что Пэриш уронила бутылку с тем самым гелем. Взгляд невольно упал на название: «Райский Сад». Он ухмыльнулся.

— Да уж, райский... — хмыкнул Валефор и продолжил наблюдать. Он понимал, что поступает неправильно, но уходить не собирался. Джин лишь сменил позу, усевшись на тумбу, стоявшую у стены.

Закончив мыться, Моника встала прямо напротив Валефора, абсолютно голой. Она смотрела на него в упор. По крайней мере, так могло показаться на первый взгляд. На самом же деле, Пэриш просто смотрела в зеркало.

Валефора так и подмывало стать для нее видимым. И одним движением прижать девушку к себе, но он, стиснув зубы, просто исчез.

Моника смотрела в свое отражение. Ее запястья обхватывали два металлических напульсника, от которых тянулась цепь и уходила в никуда. Еще один шаг. Желание. И она окажется в плену.

— Ну, что же, Валефор, — обратилась она в пустоту, глядя на свое отражение. — Крысиные бега начались. Теперь посмотрим кто кого...

Переодевшись, Пэриш приехала на кладбище. Кованые ворота, увенчанные пиками были широко распахнуты. По краям от тропинки, располагались мраморные надгробия, огражденные решетчатым забором. Моника прошла мимо сплошных рядов могил и подошла к нужной.

— Здравствуй, бабушка, — тихо произнесла Пэриш, положив цветы у надгробия. — Прости, что забыла тебя и не приезжала совсем... — Моника разговаривала так, словно Синтия стояла перед ней, а не лежала в гробу. — Мне нужна твоя помощь, — попросила она. И стоило ей это произнести, как непонятно откуда взялся черный, словно смоль, кот. Он ластился, терся об ноги девушки, а потом, как будто зазывая ее, направился вглубь кладбища. В ту сторону, где богатые аристократы организовали фамильный склеп. Моника заинтригованная пошла за животным. Еще бы несколько месяцев назад, она бы ни за что так не поступила. Ну, подумаешь, кот? И что такого, что он так зазывно смотрит на тебя? Но сейчас, Пэриш не отставая, шла за ним.

Кот остановился возле одного из склепа и протяжно замыкал.

— Класс, — вздохнула Моника, — и что мне теперь делать? По-кошачьи я не понимаю. — Кот снова настойчиво мяукнул. — Ты хочешь, чтобы я вошла в склеп?

Черныш, как прозвала его про себя Пэриш, заурчал, словно подтверждая.

— Серьезно? Дожили, я разговариваю с котом у чужого склепа на кладбище. Класс! Прощай жизнь! Здравствуй дурка!

На этой веселой ноте, Моника начала обходить гробницу, в поисках какого-нибудь лаза. Но так ничего и не обнаружила. Она снова встала у черных железных ворот. Над ними высилась табличка, на которой готическим шрифтом была выведена надпись: «**Фамильный склеп Ашеров**». На правой колонне значился список имен, усопших данного семейства: *Мари Ашер, Кристин Ашер, Альфред Ашер*.

Моника провела ладонями по воротам, слегка толкнула их. И, естественно ничего не произошло. Они лишь тихонько скрипнули, но так и остались закрытыми. Хотя надежда была. Пока Пэриш проводила свои манипуляции, кот куда-то исчез. Не понимая, что здесь делает, у совершенно посторонних усопших родственников, она развернулась и собиралась уходить. Но тихий и протяжный скрип, заставил ее снова повернуться.

Ворота, которые еще мгновение назад были наглухо закрыты, оказались открыты нараспашку. Как бы приглашая войти. Но желание такого не вызывало. Внутри зияла непроглядная чернота. А что там за ними, Пэриш не знала. К такому точно готова не была, поэтому не взяла даже банального фонарика. А что если она сейчас войдет, а ворота захлопнуться? Что потом? В таких помещениях, мобильный телефон не ловит. И тогда останется ждать, только живых родственников покойников. А перспектива провести несколько дней, а может даже месяцев среди мертвецов не очень радовала. Но ее спутник вновь откуда ни возьмись, появился на пороге и, вильнув хвостом, вошел в склеп. Набрав

полную грудь воздуха, Моника шагнула следом. Ворота с громким стуком и протяжным скрипом захлопнулись за ее спиной.

***

Валефор вернулся в свой замок после нескольких часов бесполезного гуляния по городу. Он на протяжении всего времени размышлял о своих чувствах. Джинн никак не мог в них разобраться. С одной стороны, его ощущения можно списать на банальное влечение или желание. А с другой, Валефор чувствовал что-то еще. В принципе он мог наплевать на их договор и создать для Моника очередную ситуацию. В ходе, которой, она загадает и третье желание. Но отчего-то, отчего и сам не знал, джинн не хотел этого делать.

— Вот же, — покачал он головой, — что с ней не так?

— Простите?

Валефор совсем забыл о присутствии Амулия рядом.

— Вот скажи, — обратился он к своему стражнику. — Что с ней не так? Что такого в этой девчонке? Наглость? Смелость? Или, может несусветная глупость?! А может это со мной что-то не так? Схожу с ума после заточения? — Валефор бросил пронзительный взгляд на Амулия, — ай, забудь!

— А может, — начал страж, — вы просто влюбились?

— Чушь! — рявкнул джинн, — ты прекрасно знаешь, это невозможно!

— А вы, прекрасно знаете, что это вполне вероятно. Раз в тысячу лет, рождается ведьма, для баланса между двух рас. И именно она должна стать суженой джинна.

— Во-первых, Моника не ведьма, а во-вторых, почему, черт возьми, этим джинном должен стать я? И с какой стороны здесь любовь? Так, брак по расчету. Бизнес и ничего личного...

— Но все же, вероятность есть, — не отставал Амулий, — вы не можете быть точно уверены, что Моника не ведьма. А что касается ваших чувств, то для баланса, нужна именно любовь. Богини Судьбы сами решают, кого ею наградить. И вы Повелитель, прекрасно об этом знаете. Чувство возникает неожиданно и постепенно. Посудите сами, — взывал к логике Валефора стражник, — почему Моника видит оковы? Ведь если она обычный человек, то этого быть не должно. Второй вопрос: почему она не вызывает у вас ненависть и желание ее убить? Все джинны ненавидят людей и стараются по-быстрому от них избавиться. Но в вашей ситуации все совсем иначе...

Логичное мышление Амулия заставило задуматься и Валефора. Действительно, почему? Почему она видит оковы? И почему не вызывает у него ненависти, как у всех джиннов?

В раздумьях он начал расхаживать туда-сюда. Но если Моника ведьма, то она подсознательно знает о его слабостях, а значит, непременно ими воспользуется. Джинн хлопнул себя по лбу.

— Так вот почему она взяла отсрочку! — воскликнул он, — ей не нужно время на обдумывание желания. Ей нужно время на мое устранение! — осенило Валефора. — Эта чертовка попытается от меня избавиться!

От собственных умозаключений, Валефор стал расхаживать по залу быстрее. И что теперь делать? Задался он вопросом. Последнего желания Моника не загадывала, но попросила об отсрочке. Конечно, ничто не мешает ему нарушить их уговор и последить за ней. Но, что если она действительно обдумывает, что лучше загадать? Валефор готов был взвыть от незнания.

— Я буду следить за Моникой, — принял он решение.

— Не думаю, что эта хорошая идея, — возразил Амулий, — если она и впрямь ведьма, и уже разбудила свой дар, то Моника почувствует ваше присутствие...

— И что прикажешь делать?! Сидеть тут и ждать, когда эта ведьма «Пустоши» запечатает меня в тесную обитель? Да?!

— Нет, — мирно ответил Амулий, — я предлагаю вам выждать пару дней. В любом случае, если она та, кто разделит с вами любовь напополам, то не сможет запечатать. То есть ей это конечно по силам. Но чувства не позволят Монике отправить вас в тюрьму.

— Ну, а если это не так? Что если она обычная ведьма, а я обычный джин. И не будет между нами большой и чистой любви? А? Что предлагаешь?

— Именно поэтому, я и предложил подождать пару дней...

Валефор раздраженно фыркнул.

— И почему мне достался такой непонятливый стражник. Ты что не понимаешь? За два дня, мир может повернуться на триста шестьдесят градусов! А уж о том, чтобы избавиться от меня, достаточно и двух часов. Главное знать один маленький нюанс — заклинание!

***

Вокруг было темно, хоть глаз выколи. Но самое ужасное, в склепе тяжело дышать. Моника машинально повертела головой и попробовала открыть дверь. Глухо. И что теперь делать, она понятия не имела. Стоило ей податься в печальные мысли, как за спиной раздалось тихое шипение и стрекот.

«Змеи, — с ужасом подумала Пэриш».

В том месте, откуда исходил звук, появилось мягкое свечение. Перед Моникой стояла ее бабушка. Вернее дух старушки висел над землей. Синтия, словно парила.

— Здравствуй дитя мое...

— Ба...бушка? — растерянно прошептала Пэриш. В любой другой ситуации, она бы с воплями пыталась выбраться из склепа. Но сейчас, в призраке Синтии, Моника видела свое спасение от коварного джинна. Рядом с духом, лежал черный кот.

— Зачем мы здесь? В чужом склепе?

— Ох, дитя, — воскликнула старушка, совсем как раньше. Когда малышка Моника шлодничала, бабушка точно также тяжело вздыхала.

— Никогда не прячь ценные вещи у себя дома. Самое лучшее место там, куда точно не полезут. В моем случае это соседи.

Пэриш задумалась вспоминая. А ведь и правда, могила Синтии соседствовала со склепом Ашеров.

— Все семейство Ашеров покинуло земной мир уже давно. Поэтому книгу заклинаний, я спрятала здесь, — продолжала бабушка, — но, Мони, дитя, будь осторожна. В фолианте множество заклинаний неугодных Богу. Не переходи черту. Используй лишь те, что для защиты. Верни джинна в бутылку, а книгу после этого на место. Не стоит погружаться в потусторонний мир. Ничем хорошим для нас не заканчивается. Это вечная борьба с силами зла. — Синтия внимательно поглядела на внучку, — а я не хочу, чтобы твоя жизнь превратилась в битву. Избавься от Валефора и возвращайся к нормальной жизни. Найди работу, выйди замуж, роди детей. В общем, делай все то, что делала бы обычная женщина...

— Но бабушка, — возразила Моника, — ты ведь сама недавно сказала, что мне нужно разбудить свой магический дар...

— Я поспешила. Тебе не нужно этого делать. Если хочешь спокойной жизни. Тогда

воспользуйся только одним заклинанием. Для того, что бы провести этот ритуал, ведьмой быть не обязательно...

Сияние стало мерцать, а после вообще исчезло. Моника уже собиралась снова звать бабушку, но легкий стук в углу отвлек ее. Один из кирпичей был чуть, выдвинут. Пэриш вытащила его совсем и выудила из выемки книгу: тяжелый, в кожаном переплете фолиант с позолоченными уголками. Между серыми и жесткими, словно картон страницами, имелась закладка. Моника достала мобильный телефон и посвятила дисплеем. На выбранной странице значилась пометка: «*Genie*»[1]. Пэриш прижала книгу к себе и направилась к выходу. Как нестранно, но стоило ей толкнуть тяжеленные ворота и они легко открылись. Она зажмурилась от яркого света, а когда зрение привыкло, быстро покинула кладбище. Монике предстояло сложное дело. Отправить Валефора обратно и избавиться от его оков.

[1] Джинн, (лат)

Моника, преисполненная решимости, вернулась домой. Как только она переступила порог квартиры и дошла до дивана, сразу же погрузилась в чтение фолианта. Текст в древней книге был весь на латыни. Но Моника прекрасно понимала суть написанного.

«Для того чтобы освобожденный вами джинн, не был вхож в дом, то нужно в проемах дверей и окон, положить красный стручковый перец. Таким образом, джинн не сможет проникнуть в жилище. Также можно носить перец с собой, тогда он не сможет к вам подойти даже вне дома».

— Отлично!

Обрадованная Пэриш отправилась на поиски перца. В карман совать перец, Моника пока не стала, чтобы не было подозрительно. Когда все проемы окон и дверей были «забаррикадированы», она со спокойной душой продолжила изучение манускрипта. Далее следовал обряд заточения и заклинание.

«Для того чтобы запечатать джинна, вы должны четко решить: хотите ли это сделать. Иначе, заклинание не подействует, и вы только разозлите древнее существо».

После этих строк, Моника задумалась; хочет ли она этого? Пэриш интенсивно покачала головой, прогоняя ненужные мысли. Что значит, хочет ли? Конечно, хочет! Просто жаждет избавиться от Валефора. Она снова уткнулась в книгу, вчитываясь в каждое слово и стараясь его запомнить. Заклинание желательно бы выучить, а не читать стоя с фолиантом.

*«Ритуал заточения таков: Возьмите сосуд джинна и найдите ущелье, чем глубже, тем лучше и прочитайте заклинание, держа в руках сосуд: **«Nomen ergo Salomon filius David in princeps et magi, Imperare animo viribus ad ollam!»** После чего бросьте его в ущелье.*[1]

Как оказывается просто. Заклинание идентично тому, которое Пэриш прочитала, когда выпустила Валефора. Изменилось лишь последняя часть. Но перед Моникой встала другая задача: найти сосуд. Она набрала номер Джастина и, используя все свои артистические таланты, проворковала:

— Джас, помнишь, ты хотел одно желание?

— Ну, — послышался недовольный голос на другом конце провода.

— Я готова тебе его отдать, но с одним условием...

— Каким? — тут же оживился Пирсон.

— Ты вернешь мне сосуд джинна. Ну, ту бутылку, что я нашла...

— Зачем тебе? — спросил Джастин.

— Нужно, — не вникая в подробности, ответила Пэриш. И решила поставить точку в разговоре. — Так ты согласен или как?!

Повисла тишина. И тихо было так долго, что Моника решила, что Джастин либо уснул, либо отключился. Она проверила дисплей. Разговор все еще длился.

— Ну?! — поторопила Пэриш, — или ты отвечаешь, или я кладу трубку!

— Согласен, — тут же донесся голос Пирсона, — где встретимся?

***

Моника ждала бывшего парня в беседке кафе. Погода стояла превосходная, поэтому она заняла столик во дворе, а не в душном помещении. Джастин не заставил себя ждать. Мужчина явился минутой в минуту.

— Сосуд, — потребовала Моника, переходя сразу к делу.

— Ишь ты какая...

— Знаешь, тогда я уйду! У меня нет к тебе доверия! Ты пытался меня убить, поэтому сам понимаешь. Что же касается желания, то вот... — Пэриш положила перед ним ручку и листок. — Изложи здесь, а когда я буду в безопасности от тебя, то сразу загадаю, а нет, вали ко всем чертям!

***

Моника ехала домой, крепко прижимая бутылку к себе. Осталось найти ущелье и произнести заклинание. И свобода. Пэриш никогда не задумывалась над этим словом. Но побывав в психиатрической клинике, а потом и в тюрьме, поняла, что нет чувства прекрасней, чем свобода. Даже любовь уходит на второй план. Когда ты взаперти, то далека от пылкого чувства. До квартиры она добиралась перебежками. Ей не терпелось спрятать сосуд и перейти к поискам ущелья.

Моника уже собиралась войти в подъезд, как сильные руки обхватили ее сзади. Одна рука обвила талию, а вторая, удерживала за шею. И соблазнительный голос, угрожающе прошептал на ухо:

— Решила от меня избавиться, pythonissam[2]?

— Et in eadem sententia non est[3]!

— Да неужели? — усмехнулся Валефор, прижимая девушку к себе, — не верю... — прошипел он. — У тебя в сумке мой сосуд, а дом оккупирован перцем с чего бы это?

— Хм, — усмехнулась Моника, — и что? Убьешь меня?

Одним резким движением, Валефор развернул ее лицом к себе. По-прежнему крепко удерживая одной рукой за талию, а другой за шею. Он поцокал языком.

— Ты же знаешь, что нет. Но, — Валефор угрожающе усмехнулся, — теперь тебе придется пожить со мной во дворце...

Валефор еще сильнее прижал Моника к себе и поцеловал.

***

Моника прижималась спиной к мощному телу джинна, но не по своей воле. Его рука, железной хваткой удерживала, не давая даже шанса отстраниться. Соблазнительным и угрожающим тоном, он задал провокационный вопрос, на который Моника естественно соврала. Валефор назвал ее ведьмой, и оставалось лишь догадываться, как он узнал. Хотя, скорее всего, просто следил. Джинн не поверил ей и лишь усилил хватку, тогда она снова спровоцировала его. В данный момент Пэриш не собиралась сдаваться ему на милость. Ни за что! Когда она так близка к свободе...

Резкий разворот, поцелуй, а затем темнота...

Очнулась Моника на роскошной кровати. Мягкий свет свечей, освещал комнату, судя по всему спальню. Плотные драпировки кроваво-алого цвета были наглухо закрыты. Помимо кровати с балдахином из мебели здесь имелся комод и трюмо. Из спальни выходило две двери: одна в коридор, а вторая, в ванную комнату, совмещенную с туалетом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Первая мысль, которая мелькнула в голове Моника, это где она? Второй мыслью, прочно засевшей в голове, являлся момент с поцелуем. Зачем? Как посмел? И самое главное, почему она не против его повторения?

— Очнулась? — раздался голос Валефора, откуда-то справа. — Как ты могла? Я ведь

поверил тебе, дал время, а ты...

— Дал время? Ты нарушил условие сделки и следил за мной!

— Нет, — джинн покачал головой, — я не следил...

— Тогда, как узнал, что...

— Что, что? Продолжай! Ты решила избавиться от меня! Засунуть в эту тесную колбу! — он потряс перед ее носом бутылку. — А ты, как никто другой, особенно после тюрьмы должна понимать какого это, сидеть взаперти! Я провел тысячу лет в тесной темнице, а ты...

Его голос слегка дрогнул, и Монике показалось, что он разочарован или обижен. И ей отчего-то стало не по себе.

— Я предлагал тебе равные условия, — продолжал Валефор, — практически умолял, а ты собиралась не просто запереть меня, но и отправить туда, где никогда не ступит нога человека! Никто в здравом рассудке не спустится в ущелье!

Джинн замолчал, а Пэриш вдруг почувствовала себя виноватой. Ну, а действительно? С чего она решила от него избавиться? Загадала бы третье желание и жила бы себе дальше. Он ведь и вправду предлагал сделку на равных.

«Нет! — заявила непокорная часть ее души. — Ты ведьма, — шептал внутренний голос, — а ведьмы свободный народ!».

— А почему я должна тебе верить?! Ты ведь жулик! Первого желания вообще практически не было, но ты воспользовался им! Как я могу тебе верить?!

— Я спас тебе жизнь! — рявкнул Валефор. — Это ли не доказательство?!

— Спас? — Моника рассмеялась, — да ты сделал это только потому, что тебе это выгодно! — припечатала она. — И только!

Голос Валефора стал угрожающе тихим. Мужчина оторвался от стены и с грацией хищника направился к кровати, на которой лежала Моника. Он в одно мгновение навис над ней и прошептал:

— Ты твердо уверена в своих словах? На все сто процентов уверена, что я спас тебя только из-за желания?

Его дыхание щекотало шею, а соблазнительный голос, словно пытался загипнотизировать. Моника попыталась отпихнуть Валефора, но потерпела фиаско. Он лишь сильнее навалился, вдавливая ее в матрас.

— Отпусти! — потребовала Пэриш, — иначе...

— Иначе? — усмехнулся Валефор, — что? Что ты можешь, моя маленькая и неопытная ведьмочка? Я не хотел применять силу, — он резко отстранился. — Теперь, я заставлю загадать тебя третье желание...

Тяжелая дубовая дверь громко хлопнулась об косяк, и в спальне стало тихо.

Голые ступни Моника коснулись мягкого, словно пух ворса ковра. Она на цыпочках прошла к окну и распахнула тяжелые занавеси, в надежде сбежать. Возглас ужаса застрял в горле. Пэриш полагала, что за окном окажется лужайка, огражденная высоким каменным забором. Конечно, она не надеялась на легкий побег, но пейзаж за окном явно давал понять, что побег абсолютно невозможен.

Дворец Валефора в прямом смысле разместился на скале, а точнее на ее вершине. Высота впечатляла и захватывала дух. Скалу, на которой высилось логово джинна, окружал океан. Но и это было не все. Примерно в километре, замок окружала стена нежно-фиолетового света.

— Сбежать не получится, — раздался голос сзади. И Моника от неожиданности взвизгнула.

— Какого черта?! — спросила она у Амулия, — тебя стучаться не учили? А может я тут голая была?!

Амулий лишь пожал плечами. А Моника тем временем подумала, что птичечеловека не очень-то заботят людские правила приличия. Она вспомнила, как он беззастенчиво стоял перед ней нагишом, и окончательно убедилась, что Амулию совершенно наплевать на такие мелочи.

— Почему не получится? — тихо спросила Моника, — может, я отважусь прыгнуть?

— Вероятно, и отважитесь, но... — он указал вниз на океан, — видите плавники? Это акулы. Может быть, случится чудо и вас не съедят голодные хищники, но доплывете лишь до той стены. Это барьер, чтобы ведьмы не смогли попасть сюда, следовательно, и выбраться отсюда ведьме не удастся... — Амулий многозначительно на нее посмотрел. — А вы ведьма.

— Ну, если это так, то как Валефору удалось доставить меня сюда?

— Повелитель снял барьер на время, а когда доставил вас сюда, то вернул обратно...

— Поцелуй, — тихо прошептала она, — зачем он это сделал? После него я потеряла сознание и оказалась здесь...

— Вы человек, — пояснил страж, — для вас поцелуй Повелителя, будь он чуть дольше, оказался бы смертельным...

Несмотря на свое безвыходное положение, Пэриш рассмеялась.

— Умопомрачительный поцелуй в прямом смысле слова!

Амулий не понимал ее веселья, поэтому просто сообщил, что Валефор будет ждать ее в обеденном зале, и удалился.

[1] Именем Соломона, сына Давида, повелителя Магов, приказываю Духу Силье вернуться в сосуд!

[2] Ведьма. (лат)

[3] И в мыслях не бывало! (лат)

Сначала Моника хохотала над собственными словами, а потом у нее случилась настоящая истерика. Она заперта в древнем замке и с таким же древним существом. И даже несмотря на то, что ситуация была явно не в ее пользу, Пэриш несильно расстроилась. Моника только теперь поняла, что не смогла бы запечатать Валефора. Какая-то неведомая сила притягивала ее к нему. Но загадывать третье желание, она не собиралась. Ей не очень-то хотелось обрести ошейник, как у цепной собачки. Моника передернулась от этой мысли.

— Мисс Пэриш, Повелитель ждет вас в обеденном зале, — раздался голос Амулия с другой стороны двери.

— Я не спущусь! — твердо заявила Моника, — объявляю голодовку!

***

Валефор сидел во главе стола, пламя свечи поблескивало на гранях хрустального бокала. Джинн плавно вертел в руках фужер, глядя, как растекается рубиновое вино по краям. Валефор сам не понимал, зачем это сделал. Зачем похитил ее. Моника ведьма, а значит, не сдастся до последнего. Выходит, что уступить надо ему...

— Повелитель, мисс Пэриш не спуститься... — голос стража вырвал его из глубоких размышлений.

— Что значит не спуститься? — побагровел джинн. Несмотря на то, что он понимал ее непокорность, но все равно злился.

— Она объявила голодовку.

— Ну, что же, пусть сидит голодная!

Валефор швырнул хрустальный фужер. Мелкие осколки посыпались на мраморный пол, а рубиновая жидкость медленно стекала по шероховатой стене. Он покинул обеденный зал и миновав длинный коридор, оказался во дворе.

Вопреки ожиданиям Моника, дворец Валефора не выглядел мрачным. Она долго бродила, прежде, чем оказаться во дворе. Кусты диких роз раскинулись по обе стороны от брусчатой тропинки. По высокому забору, окружающий замок, тянулся вьюн. Его фиолетовые цветочки, напоминали маленький колокольчик, а стебли, скрывали серую каменную ограду, и создавалось впечатление, что если раздвинуть «живую стену», то там окажется простор. В центре сада располагался фонтан. Посреди бассейна, стояла статуя полуобнаженной девушки, которая держала весы. Каким образом тут циркулировала вода, Моника не знала, но смотрелось красиво. Сам фонтан эффектно подсвечивался, и казалось, что вода не прозрачная, а синяя. На мраморном бортике, устроилась статуя белого ястреба. И Пэриш без труда узнала в птичке Амулия. Она присела на край бассейна и опустила руку. Водичка оказалась прохладной, и Монике безумно захотелось окунуть в нее уставшие ноги. Вода всегда помогала снимать тяжесть и стресс. И вот сейчас, она хотела снять накопленное напряжение.

Мраморный бортик оказался скользким. Когда Моника усаживалась удобнее и хотела опустить ноги в бассейн, то не удержалась, плюхнулась и скрылась под водой. Стыдно было признаться, но она не умела плавать, поэтому пошла на дно, словно булыжник. Учитывая, что бассейн был три метра высотой, то даже если Пэриш выпрямится во весь рост, то не достанет до края.

***

Валефор гулял по саду в собственных размышлениях. Странно, но в собственном дворце, он не чувствовал Монику. Возможно, потому что ей не грозила здесь опасность. Джинн сомневался, что у Пэриш хватит духу выпрыгнуть в окно. Хотя, кто этих ведьм разберет.

Он слышал только тихий всплеск, как будто кто-то бросил гальку в воду. Валефор в одно мгновение материализовался возле фонтана, увидев на дне Монику, нырнул следом. Он прижимал дрожащую толи от холода, толи от страха девушку к себе. Вода струями стекала с их одежды и волос, заливая коротко стриженую траву.

— Спасибо, — откашливаясь, поблагодарила Моника.

— Почему ты не поплыла?! — разозлился он. — Ты же могла утонуть!

— Я ведьма, а не русалка! — парировала Пэриш.

— Ты человек, — буркнул Валефор, — все люди умеют плавать.

***

Джастин ждал. Но ничего не изменилось. Выходит, Моника обманула его. Пирсон швырнул бокал с виски в стену. Он полагал, что Пэриш наивна. Впрочем, она и была такой, да видимо повзрослела. Он несколько раз набирал номер ее телефона, но аппарат уверенно твердил о невозможности соединиться с абонентом.

Джастин стоял перед дверью квартиры Моника. Давно он здесь не бывал. В принципе, подъезд ничуть не изменился, да и дверь все та же. Но Пирсон чувствовал, что что-то все же тут поменялось. Сначала он упорно давил на кнопку звонка, но ответом ему была лишь задорная трель. Джастин больше не стал мучить звонок и просто вскрыл замок квартиры.

Квартира внутри выглядела странной. На подоконниках и на выступе над косяком лежал стручковый перец. На диване сидел черный, как смоль кот. Животное оказалось гораздо больше обычной кошки, и смахивало на небольшую собачонку. Поначалу, кот никак не реагировал на визитера, но стоило Джастину переступить порог спальни Моника, как кот зашипел и, встав на дыбы, гневно стрелял взглядом. Пирсон не был труслив. Но кот, оказался более чем необычным и устрашающим по сравнению со своими собратьями.

— Эй, — принялся он успокаивать животное, прихватывая на всякий случай светильник со стола, — я просто осматрюсь...

Но на кота его слова не произвели никакого впечатления. Он слегка присел, готовясь к прыжку. Джастин запустил в него светильником, но тот пролетел мимо, а вот кот целился прямо в лицо. Животное словно было разумным. Кот раздирал когтями шею и плечи Пирсона и когда, ему, наконец, удалось избавиться от зверя, Джастин пулей вылетел из квартиры, как черт из табакерки.

***

Уже сидя в своей спальне, Моника согрелась и пила вино.

«Он снова меня спас».

Эта мысль не давала покоя. Конечно, уверяла себя Пэриш, Валефор спас ее исключительно в собственных целях. Но она видела, как он смотрел на нее. Беспокойство, огорчение. Вряд ли бы джинн смотрел бы на будущую рабыню таким взглядом. Равнодушие. Вот, что он должен испытывать к ней, а она, ненависть. Но почему-то все совсем не так. Моника не испытывала ненависти к будущему хозяину или как его называет Амулий, Повелителю. Наоборот, какая-то неведомая сила тянула ее к нему.

Моника поставила пустой бокал на столик и встав перед зеркалом, застыла. С

отражения на нее глядела девушка. И это была сама Пэриш, но в то же время и не она. Некогда волосы цвета каштана, приобрели рыжий цвет. Ее глаза из медово-карих превратились в изумрудно-зеленые. Почему случилась сия метаморфоза, оставалось только догадываться. На запястьях поблескивали оковы, но только от одного из них шла цепь и резко обрывалась. Теперь-то до Моники дошло, куда уходили металлические звенья, а точнее, к кому. Когда Валефор нес ее на руках, на его правом запястье, имелся точно такой же напульсник. Она снова вперилась в свое отражение. На оковах, словно неоновая вывеска, светился какой-то знак, в виде перевернутого крючка и палочки. Третье желание и у нее появится ошейник. Моника отрицательно покачала головой. Нет. Она категорически не желала превращаться в собачонку.

Больше книг на сайте knigochei.net

Робкий стук вырвал ее из тщательного осмотра.

— Кто там? — осведомилась она.

— Это я, Валефор. Я вхожу...

Джинн переоделся. Теперь на нем одежды по минимуму, а если быть точнее, то одни джинсы. Кудрявые волосы волной рассыпались по плечам и спине, а за ней... Моника даже моргнула несколько раз и снова уставилась на Валефора. Выходит он не обманул. За спиной мужчины были сложены два крыла; одно черное, словно тьма, а другое, белое — свет.

— Инь-янь, — ошалело произнесла Пэриш.

— Что? — не понял Валефор.

— Эм, ничего.

Взгляд Моники снова упал на отражение. Валефор хоть и был практически раздет, но там где надо имелась одежда, а вот она сама, стояла перед ним в одной розовой рубашке. Которая держалась на двух пуговицах и едва прикрывала ягодицы. Поначалу Пэриш старалась не замечать его похотливого взгляда, а потом разозлилась.

— Зачем пришел?! — грубо осведомилась она.

— Узнать как у тебя дела. А ты могла быть и повежливей и иметь хотя бы толику благодарности. Если бы не я, уже бы давно рыбок в пруду кормила!

— Благодарила уже! — буркнула Моника. — А дела у меня хуже некуда! Я оказалась в плену наглого, самоуверенного мужлана! Как у меня могут быть дела в таком случае?!

— Знаешь что...

Валефор с самым грозным видом направился к ней. А Моника отступала до тех пор пока не споткнулась. Мгновение и она уже лежала на шелковых простынях, придавленная мощным телом Валефора, а ее руки были заведены над головой и вдавлены в подушку.

— Мне надоело терпеть оскорбления в свой адрес. Ты права, я наглый и самоуверенный, а вот мужланом никогда не был. Вот поэтому прямо сейчас и начну соответствовать всему тому, кем ты меня назвала... — прошептал он у самого ее уха и положил ладонь на бедро Моники. — Как там поступают мужлань?

Он говорил тихо, его дыхание обжигало щеку, а губы едва касались ее уха. Нынешнее положение, рисовало будоражащие воображение картины.

— Отпусти, — еле слышно прошептала, Моника. — Иначе...

— Иначе? — легкая улыбка скользнула по лицу Валефора, — что? Я ведь наглый мужлан. Так, кажется, ты выразилась, а мужлана не волнует желание девушки!

Последние слова он прошептал у самых губ, и Моника непроизвольно вспомнила недавний поцелуй и слова Амулия: *«Вы человек. Для вас поцелуй Повелителя, будь он чут»*

дольше, оказался бы смертельным...».

И Моника отважилась проверить так ли это. Поцеловать Валефора было несложно. Во-первых, он этого не ожидал, а во-вторых, его рот был в паре миллиметров от ее губ.

Губы Валефора были теплыми мягкими, а вот сам поцелуй — твердый, настойчивый, решительный и властный. А руки наоборот, нежно гладили по лицу и шее. В Валефоре, словно смешались два разных человека; властный нахал и чуткий юноша. С каждой секундой, Монику одолевала слабость, наполняя тело приятной истомой. Ощущение такое, будто целый день таскала кирпичи, а теперь лежишь в любимой кроватке, укутанная мягким одеялом и постепенно отправляешься в царство Морфея.

— С ума сошла?!

Голос Валефора нагло ворвался, рассеивая эйфорию. Джинн уже не нависал над ней, а стоял, подперев косяк. И судя по лицу, был злой, как черт. Моника села на кровати и с ехидной ухмылкой ответила:

— Ну почему же сразу сошла с ума? Вовсе нет. — Она пожала плечами, — это была проверка!

— Проверка? — Валефор зло прищурился. — Какая еще проверка?

Моника встала, и с грацией кошки направилась к джинну. Когда до него остался один шаг, она положила руку себе на плечо и сладким тоном ответила:

— Ты ничего мне не сделаешь. Потому что любое твоё, — она сделала неопределенный жест в воздухе, — эм, действие, приведет к моей смерти. И теперь, господин Валефор, я знаю твоё слабое место, — очередная ухмылка, которой могла позавидовать даже гюрза, озарила лицо Пэриш. — Мое пребывание здесь, будет настоящей пыткой для тебя... — торжественно завершила Моника, и слегка оголила плечо.

— Merda! — выругался Валефор. Как он мог купиться на такой трюк?! Его обвела вокруг пальца, обычная человеческая девчонка двадцати пяти лет отроду. — Ведьма! — зло прошипел он. И громко хлопнув дверью, покинул спальню Моника.

Моника довольно ухмыльнулась. Теперь она заставит его отпустить её, а не наоборот. Пэриш бросила быстрый взгляд на свое отражение. Однако она стала симпатичной. Зеленые глаза и рыжий цвет волос сделали из нее настоящую красавицу.

Моника никогда раньше не задумывалась о своей внешности, но сейчас, она нравилась самой себе. А вспомнив лицо Валефора, когда он разглядывал её, то не удержалась от счастливой улыбки. И почему ей раньше не пришла в голову эта мысль? Қниғо л ю б. нет

***

Валефор метался по своей спальне, словно раненый зверь. Моника доведет его до ручки. И он понимал это. И как действовать теперь? Отпустить? Кажись, в этот раз он проиграл.

— Merda! — снова выругался он.

— Повелитель, что-то случилось? — поинтересовался Амулий входя. Судя по всему, всю злость Валефор выплеснул на свою спальню. Потому как целой осталась лишь люстра.

— Случилось? — Валефор рассмеялся. — Эта мерзавка сведет меня с ума! Мне нужен сосуд, а потом, — лицо джинна озарилось ядовитой ухмылкой, — мы посмотрим, кто кого еще пытать будет...

— Но вы не можете забрать сосуд у хозяина. Лишь другой человек сможет это сделать...

— Знаю, — недовольно буркнул Валефор, — именно поэтому, я сейчас её отпущу. Уверен, этот хмырь Джастин явится по её душу. Уж не знаю, каким способом она забрала у него сосуд, но, в общем. Ты будешь следить за ней. Моника наверняка вернется в свою

квартиру. Она ведь нашла книгу и распечатала ее, потому и преобразилась из шатенки в рыжую. Короче говоря, стала истинной ведьмой. Неопытной, маленькой стервозной ведьмой, — нараспев произнес он. — Стало быть, книга в квартире. Я туда попасть не могу, а вот ты можешь.

— Вы не боитесь, что он убьет ее?

— Нет. С ее силами, он не сможет этого сделать. Инстинкт самосохранения у ведьм дай бог каждому!

***

Джастин скептически оглядывал себя в зеркало. Шея была буквально разодрана, словно на него напал тигр, а не кот. И что это на него нашло? Вроде вполне нормально себя вел, до тех пор, пока Пирсон не направился в спальню. Значит, там наверняка что-то находится. Что-то важное.

Он вернулся к дому Моники. Но в квартиру заходить не стал, остался ждать в подъезде. Джас прислонился к стене, озираясь вокруг. Мало ли, вдруг сумасшедший котяра, преследует его?

Ждать Монику долго не пришлось. Девушка, весело насвистывая, подошла к двери и собиралась открыть ее, но в затылок уперся пистолет, а до боли знакомый голос скомандовал:

— Сосуд! Верни его! Хотела сделать из меня идиота?!

— Да уже сделала! — огрызнулась она. — А что касается сосуда, забудь! Хочешь убить? Давай, вперед, только учти, есть у меня телохранитель, который явно тебя превышает в весовой категории...

— Осмелела?

— Поумнела!

Моника хоть откровенно и нарывалась на пулю в висок, но все равно напряглась. Валефора нигде не было, что очень странно. Ведь джинн должен оказаться рядом, когда ей угрожают, а тут...

— Иди в дом! — приказал Джастин.

И она пошла. Нет, Пэриш конечно могла закричать на весь дом «убивают». Но что это даст? Пуля-то уже будет выпущена.

Кот, который еще несколько секунд вальяжно развалился на диване, снова встал на дыбы и злобно зашипел.

— Что это за исчадие ада?! — спросил Джастин, тыча ей дулом между лопаток.

— Хм, — усмехнулась она, перехватив сумку на плече покрепче, — это всего лишь кот...

Но Джастин явно ей не поверил. Моника резко развернулась и ударила коленом в пах. Пока Пирсон корчился на полу, она приказала коту: — Не впускай его в спальню!

Откуда появились эти слова и почему, она разговаривала с котом, словно с человеком, Моника и сама не понимала. Просто прислушалась к себе, как ей и говорила бабушка.

Пэриш заперлась в спальне, а в гостиной творилось нечто. Слышалась ругань Джастина, грохот, шипение и еще много каких-то непонятных звуков.

— Господи! — вздохнула Моника, — что происходит? Почему именно со мной?! И где, в конце концов, этот засранец?!

Валефора нигде не наблюдалось. Она еще раз окинула спальню быстрым взглядом. Опочивальня была разгромлена, но книга оказалась на месте. Моника еще раз огляделась.

Спрятать фолиант негде!

— Черт! Черт!

С одной стороны, ее ждал псих с пистолетом, с другой высота. А сломать шею как-то не хотелось. Моника выглянула в окно. Прямо под ним находился подвал. Когда-то он прикрывался решеткой, а теперь же там просто зияла дыра. Пэриш сомневалась недолго, после чего бросила книгу в пустоту. Та же участь ожидала и сосуд, но когда Моника собиралась швырнуть бутылку, то не нашла его. Сумка, в которой находилась колба, исчезла.

— Черт! — снова выругалась она и осторожно выглянула в гостиную.

Хаос поражал своей масштабностью. На полу валялись осколки, книги, черенки цветочных горшков. Ее маленький и такой уютный диванчик был испещрен следами от когтей. На люстре не хватало одного рожка, лишь голая лампочка чудом осталась цела. И посреди всего этого хаоса стоял он. Валефор.

— Где ты был?! — раздраженно поинтересовалась Пэриш. — Или тебе уже плевать на желание?

Джинн довольно ухмыльнулся и потряс колбой.

— Ах, вот оно что! — горько усмехнулась Пэриш, — так ты специально все это устроил?

— Ну, моя маленькая ведьма, ты же сама назвала меня жуликом. Приходиться соответствовать! Кроме того, сразу я не мог попасть в квартиру, ты ведь забаррикадировалась перцем, ну, а когда твой бывший пошумел с фамильяром, то путь оказался открытым.

Моника промолчала. А что она могла ответить? Несмотря на безумную тягу к Валефору, он все равно оставался засранцем. И ей нужно было избавиться от него как можно быстрее.

— Убирайся, — тихо, но твердо сказала она.

— Что?

— Я сказала, проваливай ко всем чертям! Вон из моего дома и моей жизни! Ненавижу! — Пэриш подошла к нему вплотную. Она старалась не зареветь перед Валефором и сцепив зубы, процедила: — Уходи, пока я добрая...

Моника обогнула растерянного джинна и стала собирать осколки. Она несколько раз натыкалась на острые грани, но не замечала этого. Кровь тоненькими струйками стекала по боковой части ладони к запястьям.

— Нет!

Одним движением Валефор прижал ее к себе, стирая струйку крови, которая почти достигла оков. Он сжимал Моника в объятиях, вдыхая аромат хвои, смешанный с терпким запахом крови. По щекам девушки текли слезы. И почему-то ему стало не по себе. Обычно людские слезы его не трогают, а уж слезы ведьм и подавно.

— Прости, — тихо произнес он. — Прости, что сделал больно. Если тебе ненавистна мысль находится со мной рядом, то давай сделаем это. Вернем меня в бутылку.

Моника стояла в объятиях Валефора. И все-таки не смогла сдержать слез. Было чертовски обидно, что джинн не торопился ее спасать исключительно ради своих целей. Но тут он вдруг извинился, а дальнейшее слова, Пэриш вообще решила, что ей послышались.

— Что? — переспросила она.

— Если ты этого так хочешь, то давай вернем меня в бутылку. С одним условием: далеко не забрасывать. Пусть меня найдет какой-нибудь прохожий, загадает свои три желания, а ты, моя неопытная ведьма будешь свободна...

— Ты серьезно? — Моника не верила своим ушам. Валефор сам предлагал ей провести ритуал.

— И еще одно условие, — вырвал из задумчивости голос джинна, — пока ты будешь решать, запечатывать меня или нет, ты будешь жить в моем замке. Для твоей же безопасности...

Валефор все так же держал ее в своих объятиях. Кровь больше не текла, лишь маленькая капля застыла на ранке. И почему-то Монике было спокойно вот так вот стоять с ним. Запечатать его?! Просто прочитать заклинание, и выбросить сосуд? Нет. Она не хотела этого. То есть изначально только об этом и мечтала, но сейчас...

— И вообще, о чем ты думала, пряча книгу в шкафу? — неожиданно разозлился Валефор. — Тоже мне, ведьма-недоучка!

Моника хотела было тоже разозлиться, но вместо этого спокойно ответила:

— Прячь камень, среди камней...

— Это не тот случай, — буркнул Валефор, отпуская ее. — Ладно, бери свою книжонку и пошли. — Произнес он тоном, нетерпящим возражений.

И она покорно отправилась за книгой. Благо подвал оказался неглубокий.

***

Книгу Моника не нашла. Она обшарила весь подвал, но манускрипта нигде не было.

— Ее нет, — выдохнула Пэриш. — Книги нет в этом подвале...

— Ты уверена, что выбросила ее сюда? Может это не тот подвал?

Моника отрицательно покачала головой и указала вверх.

— Это мое окно. И бросила я именно сюда.

Она внимательно посмотрела на Валефора. А может это он? Поэтому-то так быстро и сдался? Знал, что она все равно не сможет провести ритуал без книги. То есть, Моника, конечно, помнила заклинание, но не мешало бы его повторить, а так как книги нет...

— Пошли, — протянул он ей руку, помогая вылезти из подвала. — Мы ее найдем.

***

В замке Валефора, она все же не удержалась и заявила:

— Это же ты, да?

— Что я? — не понял джинн.

— Ты ее спрятал! Поэтому-то так быстро и сдался. А я идиотка опять поверила...

Валефор посмотрел в ее зеленые, словно горящие изумруды глаза. Неужели Моника и правда считает его такой сволочью? Он конечно, жулик еще тот, но если дал слово, то никогда не нарушит его.

— Ты, правда, так считаешь? — тихо спросил он. — Правда, думаешь, что я на это

способен?

Моника замялась.

— В общем...

— Понятно, — буркнул Валефор, — можешь не продолжать! Знаешь, можешь и дальше думать обо мне все, что тебе заблагорассудится. Но твою книгу я не брал. По одной простой причине, фолиант не дастся мне в руки. Только ведьме и то не каждой!

С этими словами Валефор развернулся на пятках и удалился к себе в комнату. Оставив Моника наедине со своими чувствами и мыслями.

Он вошел в спальню, громко хлопнув дверью об косяк так, что картина со стены рухнула. Валефор хмуро осмотрелся. Впервые за все это время его опочивальня показалась ему мрачной. Весь его замок не был таковым, а вот спальня выполнена в темных тонах.

Тяжелые парчовые занавеси цвета кофе с молоком, являлись единственным светлым пятном в данной комнате. Пол, потолки, мебель и даже люстра были серых и черных тонов.

Валефор тяжело опустился в кресло. Он запутался. Его пугала мысль о возвращении в тесный сосуд еще на тысячу лет, но ради нее готов был пойти на этот шаг. И когда Валефор сказал об этом Монике, когда, наконец, немного открылся ей, Пэриш обвинила его в краже фолианта.

— Дурочка, — тихо шепнул он в пустоту, — маленькая неопытная ведьма. Неужели, она не понимает, что если бы я действительно хотел, то она загадала бы все желания на одном дыхании.

Валефор бросил короткий взгляд на свое запястье и вспомнил, как еще недавно кровь текла по запястью Моника. Еще чуть-чуть и она одним разом избавилась бы от его оков. Почему он не позволил ей это? Сложно сказать. Валефор и сам не понимал. Джинн не хотел признавать, что его неумолимо тянет к ведьме. Они всегда были и остаются противниками джиннов. Но Моника для него была кем-то особенным. И он не относился к ней, как к ведьме.

***

Джастин не верил тому, что с ним произошло. Обычный кот, в очередной раз его выгнал из квартиры Моника. Сосуд джинна буквально был в руках, но какой-то тип отобрал бутыл. Сегодня Джастину явно не везло. По крайней мере, он так считал, но потом из окна девушки, приземлилась в подвал книга. Поначалу, Пирсон не очень хотел лезть в грязный подвал, но любопытство победило. И не зря. Это оказалась настоящая книга магии. Тысячи заклинаний, в том числе, касающихся джиннов имелись в фолианте. Манускрипт, который держал в руках Джастин, являлся настоящей мечтой археолога. Да и просто любого заинтересованного человека.

— Все не так уж и плохо, — усмехнулся Пирсон, убирая книгу и удаляясь восвояси.

***

Моника нервно расхаживала по спальне, которую ей любезно выделил Валефор. Комната была намного просторней, чем предыдущая опочивальня. И более современной. Здесь, вместо восковых свечей в огромной люстре горели лампочки. Мебель оказалась попроще, без всяких царских изысков и даже имелся компьютер с интернетом.

Но обстановка Пэриш волновала в последнюю очередь. Конечно, она высоко оценила стремление Валефора, сделать ее пребывание здесь, как можно комфортнее. Но главная

проблема оставалась. Моника понятия не имела, куда могла исчезнуть книга. И она слишком опрометчиво обвинила в пропаже Валефора. И сейчас чувствовала себя виноватой. Окинув спальню быстрым взглядом, собираясь с духом, Пэриш все же решила перед ним извиниться.

За дверью опочивальни Моника тянулся длинный коридор прямо и по обе стороны. Только камня с указателями не хватало. Потоптавшись на пороге, она пошла прямо. Сделав приличный круг, Моника вновь оказалась у двери своей спальни.

— Здорово, — буркнула она под нос, — мог бы и реально указатели поставить...

В этот раз она свернула направо. На стенах вдоль коридора тянулись причудливые узоры и арабская вязь. Пэриш значения не знала. Ее познания ограничивались латынью. Никаких дверей и других комнат ей не встретились по пути. Коридор закончился тупиком. На стене напротив, словно неоновая вывеска светился узор, точно такой же, как и на запястьях Моника. Пэриш подошла ближе и провела кончиком пальца по узору.

Стоило ей это сделать, как стена отъехала в бок и перед Моникой предстала просторная комната. Судя по всему, являвшейся спальней. Она переступила порог и осмотрелась. Огромная кровать с балдахинном стояла у стены в самом центре. На пышных подушках спал мужчина. По бокам от постели расположился напольный канделябр. Мягкий свет пламени играл на широкой спине. Волосы разметались по всей кровати, скрывая лицо спящего. Взгляд Моника скользнул от спины ниже. От пояса до ступней, мужчину закрывала простынь.

Стараясь не разбудить незнакомца, она на цыпочках собиралась покинуть комнату. Но обнаружить дверь оказалось весьма затруднительно. В этой комнате вообще все было странным. Из мебели, здесь имелась только кровать и небольшой комод. Освещением служили канделябры и небольшая люстра, а мраморный пол не устелен ковром, как обычно, бывает во всех спальнях.

Пэриш озиралась по сторонам, но не обнаружила даже намека на дверь. Стараясь не шуметь, она на цыпочках прошла к стене и стала ощупывать ее.

— Что ты делаешь? — раздался знакомый голос за спиной.

Моника повернулась. Как оказалось, спящий был вовсе не незнакомцем. Это Валефор. Шлепая босыми ногами, он грациозно направился к ней.

— Как ты сюда попала? — поинтересовался он.

— Ну, я хотела найти тебя... — начала Пэриш.

— Нашла?

Она сглотнула и кивнула.

Валефор стоял к ней слишком близко. По обнаженному торсу волной рассыпались несколько прядей. От пояса свободно свисала простынь. И Моника искренне переживала за шелковую ткань, которая едва держалась на бедрах Валефора.

— Чего хотела? — осведомился он, явно понимая, какое впечатление производит.

— И-из-извиниться... — выговорила она.

— Правда?

Валефор усмехнулся и склонился к лицу Моника.

— Интересно...

— Я не справедливо обвинила тебя. Поэтому прошу прощения.

Она бы отстранилась да некуда. Спиной Пэриш подпирала стену, а впереди, в опасной близости находилось лицо Валефора.

— Знаешь, — продолжила она, — я знаю что загадать...

Валефор даже отстранился. И в неверии уставился на девушку.

— Ты серьезно?

Моника кивнула.

— Я думаю книга у Джастина. И как бы бредово не звучало, но я не хочу, чтобы ты стал его рабом...

Джинн уставился на нее так, словно видел впервые. Ее тон, слова. В них было столько заботы.

— Скажи, почему ты оказался в этом сосуде?

— Это наказание, — пояснил он.

— То есть это не твой дом?

Валефор отрицательно покачал головой. А Моника задумалась. Seriously задумалась. Она молчала так долго, что джинн не выдержал.

— О чем ты думаешь?

— Ты сказал, что от тебя зависит, сколько я проживу под твоей... — она сделала неопределенный жест и нехотя произнесла, — властью...

Валефор кивнул.

— Ты хочешь стать бессмертной?

— Нет. То есть не совсем. Я хочу быть рядом с тобой. Меня что-то тянет к тебе. И останавливает только одно... — Моника внимательно на него посмотрела. — Я человек и... — она отвернулась.

— Что? — тихо спросил он, — договаривай...

— Я люблю тебя... — тихо произнесла она. Эти слова оказались неожиданными не только для Валефора, но и для нее самой. — И мое желание теперь только одно...

— Какое? — Валефор смотрел на нее, не веря своим глазам. Она стояла тут и признавалась ему в любви. Все должно быть наоборот. Это он должен был сказать эти слова.

— Твоя любовь. Вот мое желание! — слова сорвались с ее уст очень тихо, но для Валефора они эхом отдались во всем теле, доставая до самой глубины души. Что он мог ей ответить? Да ничего. Лишь выполнить это желание. И он сделает это с великим удовольствием. Подарит свою любовь этой маленькой неопытной ведьме. Его ведьме.

Моника стояла, ожидая его ответа. И за время молчания Валефора, тысячу раз пожалела о своих словах.

— Забудь. — Быстро произнесла Пэриш, — я сморозила глупость. Джинны ведь не могут испытывать трепетное чувство, так, кажется, ты выразился?

— Ты права. Я не могу выполнить это желание, но...

— Можешь не продолжать. Я пойду...

Не оборачиваясь, Пэриш прошествовала мимо Валефора и покинула его спальню.

«Дурочка, — корила она себя. — Зачем призналась? Зачем?! Для него эти слова ничего не значат. Пустой звук».

Она бродила вдоль деревьев и кустов, не замечая красоты сада. Внутри было пусто. Словно, вместе со сказанными словами все ушло. Монике ничего не хотелось.

***

Моника сидела на диване в своей уже убранной гостиной. В замке Валефора, после всех сказанных слов, она находиться не хотела. Пообещала ему, что не забаррикадируется перцем и вернулась домой. Чтобы хоть как-то отвлечься от грустных мыслей, Пэриш занялась уборкой. И, учитывая хаос в квартире, Моника хоть немного забылась.

А теперь, сидя на диване, она снова и снова вспоминала реакцию Валефора. Дурацкое желание. Это Моника поняла почти сразу. И ко всему прочему, у нее еще и книга пропала.

***

Валефор расхаживал по обеденному залу. К еде, он так и не притронулся, лишь опустошил графин с вином.

— Что за ведьминская манера не дослушать собеседника? — злился он, — вот скажи?! — обратился Валефор к Амулию, но тот лишь пожал плечами. — Да, — продолжал злиться джинн, — я не могу выполнить это желание. Но это и не требуется! Я, — он ненадолго замолчал и продолжил: — И так ее люблю. Ей лишь нужно загадать другое желание! Merda! Вот скажи, — Валефор снова обратил свой взор на стража. — Зачем все усложнять? А теперь она еще и гордость решила показать... Ведьма!

Валефор схватил пустой графин за горлышко и со всей силы швырнул в стену. Хрустальный сосуд рассыпался вдребезги, усыпав мраморный пол стеклянной крошкой.

***

В дверь сначала позвонили, а потом забарабанили так, словно хотели выломать хлипкую филенку.

Моника нехотя поплелась в прихожую и глянула в глазок. Отчаянно ломилась та, кого Пэриш уже совсем не ожидала увидеть. Девушка стояла в легком платице «крестьянка» и упорно давила на кнопку звонка.

— Чего тебе? — открывая дверь, спросила Моника.

— Привет Мони! — Заулыбалась Лиза.

— Мони, я для друзей, для остальных мисс Пэриш или же Моника.

— Ну, — замялась визитерша, — мы вроде как подруги.

— Вот именно, что вроде как. Так чего надо? — весьма нелюбезно осведомилась Пэриш.

— Слушай, что, даже на порог непустишь?

— На пороге ты уже стоишь, причем лицом не в ту сторону!

— Моника, прости... Знаю, что виновата. Просто Джастин такого про тебя порассказал. Что ты в психушке лежишь, что к тебе не пускают. И вообще чокнулась на всю голову. А потом я поняла, что все что он говорил, ложь. Потому что он такую ересь начал нести... Проджинна, сосуд, желания. Прости Моника. Мне, правда, жаль...

— Ладно, — сдалась Пэриш, — заходи...

***

Джастин ждал в машине. Книга оказалась настоящей кладезю. Из нее он многое узнал о джиннах и о том, как подчинить их себе. Но для этого ему нужна была Моника. Она ключ. Пирсон знал ее, как свои пять пальцев. И теперь дело оставалось за Лизой. Девушка должна под любым предлогом выманить Пэриш в кафе. А там уже дело за малым: усыпить ее и привезти на склад. Помещение оборудовано по всем правилам. И защитник, о котором рассказывала Моника, попасть туда не сможет.

Долго ждать не пришлось. Моника с Лизой вышли из подъезда и направились в кафе, что находилось неподалеку. В кафетерии девушки просидели не один час, и Пирсон уже было решил, что Лиза передумала ему помогать.

Двери кафе распахнулись, и на пороге стояла Пэриш. Девушка выглядела слегка бледной. Видимо, Лиза сделала все как договаривались.

***

Пэриш сама не понимала, зачем пошла в кафе с Лизой. Как той вообще удалось ее убедить. Но в конечном итоге, Моника все же сидела за столиком напротив бывшей подруги. Разговор явно не клеился. Лиза все что-то говорила, но Моника слушала ее вполуха. Время тянулось медленно, и она уже собиралась попрощаться, но ей стало нехорошо. Земля под ногами словно плыла, а в глазах двоилось.

— Тебе плохо? — раздался голос Лизы сквозь гул в голове.

— Не знаю, — еле ворочая языком, ответила Пэриш. — Что-то дурно мне...

— Давай на воздух.

Лиза помогла Монике подняться и вывела ее на улицу. Где-то вдалеке слышался лай собаки. Вокруг была незнакомая местность.

«Вроде, — размышляла Пэриш, — мы были в кафе у дома...».

Она собиралась задать вопрос: «Где мы?». Но в голове стало пусто. Мысли разом разбежались в разные стороны. Ноги отказывались повиноваться и если бы не Лиза, то Моника рухнула бы на тротуар. Девушка усадила ее в машину. И стоило Пэриш усесться в мягкое кресло, как тяжелые веки тут же закрылись, погружая ее в темноту.

***

Моника распахнула веки, но темнота никуда не делась. Она не сразу поняла, что на глазах повязка. Более того, оказалось, что Пэриш находилась в горизонтальном положении и привязанной. Спиной, Моника ощущала гладкую металлическую поверхность, как у хирургического стола. В запястья и лодыжки впились пластмассовые стяжки. Пэриш хотела позвать на помощь, но из-за скотча получилось лишь невнятное мычание.

Кто-то сдернул повязку, и свет больно резанул по глазам. Моника зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела перед собой Джастина.

Помещение, в котором она находилась, оказалось складом и по совместительству

личной лабораторией Джастина. Здесь Пирсон частенько изучал найденные древние останки и предметы. Вокруг хирургического стола, где лежала Моника, находился еще один стол, забитый разнообразными пузырьками и трубочками. Склад был огромным и что хуже всего, звуконепроницаемым. Так что звать кого-то на помощь не имело смысла.

— Привет, Мони...

Возразить не получилось.

— Ах, извини...

Джас резко рванул скотч.

— Теперь можешь говорить. Да и еще... Твой спаситель не придет. — Пирсон мерзко ухмыльнулся. — Ты такая наивная...

— Какого черта?! Ты с ума сошел? Джас остановись! Одно дело, попытаться сбить человека на автомобиле и совсем другое, убить голыми руками.

— Какая ты шумная, Мони. Знаешь, книга заклинаний оказалась просто шедевром. Столько всего интересного я узнал. Например, — Джастин подтащил стул и сел рядом, — что можно создать барьер против джинна. Ведь твой гениальный спаситель, джинн, не так ли? Я разложил перец по всем проемам. Так что ему сюда путь заказан. Ты ведь не загадала третьего желания? А зря... — очередная усмешка гиены, — какая досада...

Моника промолчала. А что могла она ответить? Если Джастин действительно разложил перец также как она в своей квартире, то Валефор не сможет ее спасти. Да и надо ли ей это? Пэриш уже сомневалась, что хочет этого спасения. Она устала бороться. Сначала с Валефором, теперь с Джастином. Моника больше ничего не хотела. Просто закрыть глаза, расслабиться. И чтобы когда она их откроет, рядом с ней не было ни Джастина, ни Валефора, ни сосуда, ни книги. Ничего. Лишь пустынный пляж с белым горячим песком, теплый морской бриз и шум волн.

— Эй, — раздался голос Джастина. — Ты что уснула? Не слышишь, что я тебе говорю?!

— Да пошел ты! Не желаю слышать твои пламенные речи. Давай, делай то, зачем меня сюда привез, и покончим с этим! Джинна можешь оставить себе, дарю... — хмыкнула Пэриш и отвернулась.

***

Джастин подошел к Монике со шприцем в руках.

— Это стрихнин, — зачем-то пояснил он.

— Медленно отойди от Мони и брось шприц, — раздался голос Валефора где-то на другом конце склада.

— А вот и рыцарь в сияющих доспехах пожаловал! — Пирсон хлопнул в ладоши. — Книга у меня, сосуд тоже, а самое приятное, что тебе путь сюда закрыт.

— Отойди от нее! — обманчиво спокойно потребовал Валефор.

— Что ты можешь? — усмехнулся Джас. — Третьего желания она не загадывала, а значит, тебе не принадлежит, следовательно, ты еще зависишь от сосуда...

Валефор промолчал. Он внимательно разглядывал Монику. Физически она была здорова, а вот морально — разбита. Обычно ведьму тяжело сломать, но, похоже, Пэриш слишком поздно открыла в себе этот дар. У нее есть фамилляр, но тот лишь защищает книгу. С ней у него контакт не налажен. И в довершении всего, Моника не в состоянии даже избавиться от пластиковых стяжек. Хотя нормальная ведьма сделала бы это, лишь щелкнув пальцами.

Валефор оглядел обстановку, бросил быстрый взгляд на наглого человека стоящего

перед ним и уверенно переступил порог склада.

Моника не верила собственным глазам, Валефор пересек порог, хотя помещение и было забаррикадировано перцем.

Джастин отмер первым.

— Как ты сюда попал?

Валефор только усмехнулся.

— Неужели ты думаешь, что перец, растыканный по складу, сможет меня остановить?

— Но ведь у нее это получилось?! — Пирсон указал на Моника.

Джинн заливисто рассмеялся.

— Она ведьма. — Сказал он так, будто это все объясняло. Но заметив непонимание, продолжил: — Если Моника лично разложит перец, то тогда барьер будет работать. А если это сделает какой-то человечиска вроде тебя, то эффекта ноль!

Валефор взмахнул рукой, и Джастина буквально отбросило в конец склада. Не отрывая взгляда, джинн буквально поднял Пирсона по стене над землей. При этом Валефор был в нескольких метрах от него. Сейчас джинном двигала злость и ненависть к тому, кто посмел причинить боль его ведьме. Да, Моника принадлежит ему. И ее признание, лучшее тому доказательство.

Глаза Джастина постепенно начали закатываться, дыхание было прерывистым. Он пытался что-то говорить, но вместо этого издавал лишь хрипы. Впервые, Пирсону стало страшно. Смерть буквально дышала ему в лицо и ухмылялась в образе джинна.

— Моника, — прохрипел Джастин, — прикажи ему остановиться. Он же убьет меня...

— Остановиться? — удивился Валефор, — с чего бы ей это приказывать? — он слегка ослабил хватку и внимательно посмотрел на Моника.

— Ты же медсестра! Твой долг спасать людей... — хрипел Джас. — Прошу...

Валефор со всей силы треснул Джастина об стену, словно тот был тряпичной куклой.

— Кроме того, — довольно ухмыльнулся джинн, — даже если она прикажет, то я все равно не оставлю тебя в живых. У нее кончился лимит желаний.

— Это неправда! — наконец, подала голос Моника. — Третье желание так и не загадано...

— Неужели, — улыбка джинна несла в себе какой-то скрытый смысл, но Пэриш проигнорировала ее.

— Именно! Последнего желания не было!

— А вот и было! — процедил Валефор, — кто хотел моей любви? А?!

— Это невозможно. Ты сам это сказал...

Джастин сначала какое-то время наблюдал за их перепалкой, и решил смыться, пока никто не видит. Но не тут-то было. Его ступни, словно прибили к полу и, как бы Пирсон не старался уйти, у него это не получилось.

— Я соврал, — тихо ответил Валефор. — Но есть условие.

— Какое еще условие? — переспросила Пэриш, пораженная его признанием.

— Бессмертие. Чтобы быть со мной, ты должна стать бессмертной. Поэтому, третье желание занято и должно звучать так: «Я хочу стать бессмертной!». Ясно?

Валефор развернулся и вплотную подошел к Джастину. Он чувствовал его страх и испытывал настоящее отвращение. Люди всегда вызывали у Валефора неприязнь, но этот

тип превзошел всех. Джинн уже собирался свернуть ему шею, но твердый голос Моники остановил его.

— Не убивай его.

— Почему? — искренне удивился Валефор, — Джастин пытался убить тебя несколько раз, а ты говоришь, не убивай?

— Я прошу тебя сохранить его жалкую жизнь. Однажды, он поймет, как был не прав. И я хочу чтобы он жил с этим, как можно дольше...

Моника попыталась встать, но все еще была связана.

— Ты мне не поможешь?

— Ах, да!

Валефору достаточно было щелчка, чтобы избавить Моника от стяжек. Пэриш резво слезла с хирургического стола, потирая затекшие запястья. Она стояла и просто смотрела на своего спасителя. С чего она взяла, что любит его? Может это всего лишь благодарность? Или просто кидается из крайности в крайность? Ее предал Джастин, и она нашла утешение на плече наглого и самоуверенного джинна? Почему она сначала скажет, а потом размышляет об этом.

Взгляд Моники скользил по телу Валефора. От стильных лаковых туфель, классических черных брюк к белой рубашке с жабо и воланами на манжетах. Похоже, он все же не изменил своему старинному стилю графа. Наконец, взгляд Моники остановился на лице, а точнее на глазах джинна. Его бездонных, словно омут глазах. «Да, наверное это и есть любовь, — подумала она про себе». Моника готова была броситься в омут этих бездонных глаз с головой.

Пэриш подошла к Валефору и взяв его под руку, повела к выходу.

— Я хочу покинуть это место... — тихо произнесла Моника. — Хочу домой. В свою уютную спальню в твоём недостижимом замке.

Валефор довольно ухмыльнулся.

— Твое желание — закон, моя маленькая и неопытная ведьма...

***

Спальня в замке Валефора не изменилась. Словно ждала возвращения своей хозяйки. Кровать идеально застелена как будто в армии, стол с ноутбуком в углу и вместо свечей, в люстре горели лампочки.

— Эта не та спальня, в которую я хотела попасть...

— В смысле?

— Первая, мне нравится больше.

— Так это она и есть, — пожал плечами Валефор и щелкнул пальцами.

Стоило ему это сделать, как с комнатой началась метаморфоза. Обычная трехрожковая люстра вмиг превратилась в хрустальную и многоярусную. Мягкий свет свечей играл на гранях множества висюлек и бусинок, свисающих с огромного паникадила. Кровать Моники тоже преобразилась. Из обычной постели на сплошных опорных спинках, она превратилась в кроватку принцессы на изящных высоких ножках и с балдахином нежно-персикового цвета. Вместо стола с компьютером стоял книжный шкаф, забитая всевозможными изданиями.

Моника прошла вдоль стеллажа и выудила одну из книг.

— Заложница артефакта? — усмехнулась Пэриш, — серьезно?

— Ну, — джинн пожал плечами, — подумал, что ты ее еще не дочитала. Кстати тут есть еще одна книга и возможно, тебе тоже будет по душе.

Валефор достал с самой верхней полки книгу и протянул Монике. Издание имело приятный легкий вес. Глянцевая обложка, на которой была изображена пара: серьезный мужчина в костюме графа и грустная девушка в синем платье. Название гласило: «Элвин Блер и Катерина».

— Любовный роман? С каких это пор ты читаешь подобное? — с ироничной улыбкой поинтересовалась Пэриш.

— Ну, — потянул Валефор, — с недавних...

***

Джастин сполз по стене. Еще чуть-чуть и джинн размазал бы его по этой самой стене. Пирсон откашлялся и собирался покинуть склад, когда в помещение вошли двое мужчин в форме.

— Мистер Пирсон? Вы арестованы за покушение на Монику Пэриш.

Лиза стоящая рядом медленно попятилась к выходу.

— Элизабет Митчел? Вы, тоже арестованы, за пособничество.

Уже сидя в допросной, Джастин понял, как влип. Детектив все говорил и говорил, но Пирсон его не слушал. В голове он прокручивал новый план, который как раз скоро будет реализован. В данный момент он жаждал отомстить.

Детектив вышел, оставив Джастина наедине с собой. Полицейский оставил ему чистый лист и ручку.

Пирсон долго смотрел на белый лист. Хотел бы он начать жизнь с чистого листа. Сейчас уже было поздно и время не повернуть вспять. Джастин сидел на железном стуле. Да, его жизнь пошла под откос, но Пирсон не собирался идти на дно один. Ухмылка, которой могла позавидовать тигровая акула, озарила лицо. Джас подстраховался и защитник Моники, даже ахнуть не успеет, как потеряет ее.

***

Моника сидела в обеденном зале и смаковала «банановый шейк». Хорошо иметь в друзьях джинна. Любой каприз будет выполнен.

— Мне нужно побывать в своей квартире.

— Зачем, — Валефор отсалютовал ей бокалом виски. — Ты ведь переехала ко мне, разве нет?

— Да, но мне нужны кое-какие вещи.

— М? Зачем? — снова спросил он, — ты можешь сказать мне, и я доставлю тебе все что угодно. Сумочку из Милана? Блузку, в которой дефилировала Кэндис Свейнпол?

— Нет! — рассмеялась Пэриш, — мне не нужно ничего из этого.

— Ну, хорошо, — пожал плечами Валефор. — Допивай свой шейк и айда в объятия...

Джинн дерзко ухмыльнулся.

— Я смотрю, тебе это нравится...

Она залпом опустошила бокал.

В квартире Моника попросила Валефора оставить ее одну. Джинн долго противился, но все же выполнил просьбу.

Недавно Монике снилась бабушка. Ее любимая бабушка не одобряла выбор внучки. И очень негативно относилась ко всей ситуации. И сейчас, в голове Пэриш звучал ее твердый голос: «Ведьмы свободный народ! А ты собственнически идешь в рабство!». В данный

момент Моника захотела побыть одна и хорошенько все обдумать.

Моника закрыла, глаза прислушиваясь к себе. Она любила Валефора. Это Пэриш знала наверняка. И дело не в том, что он спасал ее и всегда был рядом. Да, он красив как греческий бог, галантен и выглядит так, как герои из ее любимых романов. Но и это не та причина, из-за которой ее сердце трепетало при виде джинна. Какая-то неведомая сила неумолимо притягивала Моника к нему. Может это есть, то чувство, которое называют любовью?

В дверь позвонили. От неожиданности Пэриш подпрыгнула. Все также витая в собственных мыслях, она открыла дверь. В коридоре стоял курьер. Переминаясь с ноги на ногу, он протянул коробку и бланк.

— Распишитесь.

Пэриш удивленная уставилась на лист, на котором черным по белому были указаны ее инициалы и адрес. Так что ошибки быть не могло.

— Что это? — указала она на узкую коробку в подарочной упаковке. — Не бомба случайно?

— Конечно, нет, мисс! Мы тщательно проверяем такие вещи. Это бутылка. Но про содержимое не ручаюсь. Может духи, а может бутылка шампанского...

Курьер оказался почти прав. В коробке оказалась бутылка вина и весьма дорогого «Шато Лафите» 1787 года. Внутри была еще и записка от Валефора. В ней он пояснял всю прелесть данного напитка и предлагал сделать ей первый глоток. Такое вино полагалось пить на природе и в тишине. Подальше от мирской суеты.

— Ну, — недоуменно пожала плечами Пэриш, — надо так надо.

Она сунула бутылку в пакет и решила прогуляться до Центрального парка. Если она сделает пару глотков древнего, как сама жизнь вина, то может и думаться будет лучше.

Моника села на импровизированную скамейку, сделанной самой природой. Бревно торчало из земли и было похоже на лавку. Такое вино полагалось пить из дорогого фужера, но Пэриш взяла с собой привычный стакан. Еле-еле справившись с деревянной пробкой, Моника плеснула вина на один глоток и попробовала. Насыщенная рубиново-фиолетового цвета жидкость имела мягкий и сладковатый вкус. Моника не особо разбиралась в винах, но в данном напитке чувствовались нотки кофе и вкус вишни. Было что-то еще, но Пэриш не могла сказать что именно.

Несколько минут ничего не происходило. Но когда Пэриш захотела встать, то не смогла. Во всем теле чувствовалась слабость. Отнимались поочередно, то руки, то ноги. А когда она собиралась позвать Валефора, то и тут потерпела неудачу. Язык онемел, словно Моника побывала у стоматолога, а тот переборщил с анестезией. Сердце Пэриш стучало быстро и гулко. Ее пульс намного превышал привычный ритм. И Моника с ужасом поняла: еще немного и она умрет. Человек просто не способен выжить, когда сердце в прямом смысле готово вырваться из груди.

***

Валефор отпустил ее домой и даже оставил одну. Но где-то глубоко в душе, он чувствовал беспокойство. Откуда оно взялось, Валефор сказать не мог.

— Повелитель?

Голос Амулия вырвал его из беспокойных мыслей.

— Вас что-то тревожит?

— Да. Меня тревожит ее отношение ко мне. Что она чувств...

Договорить Валефору не дала резкая боль где-то глубоко в груди. Сердце джинна билось быстро даже для такого существа, как он. Но Валефор чувствовал: эта боль принадлежит не ему, а Монике. Собрав все силы, он переместился и нашел ее лежащей на поляне. Бледное лицо, синие губы и потухшие глаза, как у утопленницы. Казалось, она уже не дышит. Валефор присел около нее и осторожно поднял на руки. Моника хотела что-то сказать, но изо рта вырвался лишь хрип. И от этого хрипа, Валефору стало страшно.

— Мони, — тихо позвал он, — слышишь? Тебе достаточно сказать свое желание. Попроси бессмертия... — умолял джинн. — Я люблю тебя моя маленькая ведьма. Пожалуйста ответь...

Валефор держал на руках Монику и чувствовал, как из нее уходит жизнь. Со своей стороны, он мог сделать только одно. Доставить ее в больницу. Немедленно. Ему было наплевать на многочисленных свидетелей в больнице, которые видели его внезапное появление. Валефор положил Монику на кровать и потребовал от медсестры принести все необходимое для промывания желудка.

Все медицинские мероприятия, Валефор проводил так, словно всю жизнь являлся врачом. Впервые в жизни, его магия была бессильна. Моника находилась без сознания, но дышала. Что не могло не радовать. Он каждую минуту припадал к груди Пэриш, прислушиваясь к биению ее сердца.

— Мони, очнись... Всемогущий джинн умоляет тебя...

Моника открыла глаза, смутно понимая, где находится. Рядом сидел Валефор, положив голову на кровать и держа ее за руку. Даже, несмотря на то, что он бессмертный джинн, выглядел мужчина весьма потрепанным. Моника хотела ласково погладить его по щеке кончиками пальцев. Но вспомнила, что это именно Валефор прислал ей бутылку с вином. После чего ей и стало плохо. Она резко одернула руку и попыталась тихонько встать. Правильно говорят: «Люди не меняются, а джинны тем более!». Валефор хотел ее убить и это факт. Если хорошенько подумать, то ему это даже выгодно. Если она умрет, то желания должен загадывать тот, у кого сосуд. Пэриш осторожно попятилась к двери.

— Мони? — Валефор недоуменно уставился на Пэриш. — В чем дело? Почему у тебя такое лицо? Как ты себя чувствуешь? — завалил он ее вопросами и сделал шаг вперед.

— Не подходи!

Моника выставила руку в останавливающем жесте. Ей больно было признавать, но она потерпела очередное предательство.

«Ну, ничего, — думала Моника, — переживу. Не впервой!».

— Эй, — окончательно растерялся джинн, — в чем дело?!

— Ты хотел меня отравить! Вот в чем дело!

Вскрикнула Пэриш и резко рванула дверь. Но выбежать не успела. Валефор стальной хваткой притянул ее к себе. Моника попыталась вырваться, но это было равносильно тому, как если бы она пыталась сдвинуть статую свободы.

— Пусти! — потребовала Пэриш. — Ненавижу! Всех вас ненавижу!

Она бесконечно сыпала обвинениями и стучала своими маленькими кулачками по плечам Валефора. В конце концов, джинн не выдержал и прервал поток оскорблений поцелуем.

***

Она пыталась бежать, хотя и знала: бежать некуда. Ее везде найдут. Но все же Моника это сделала. Но Валефор, наплевав на все оскорбления и угрозы, поцеловал ее. Как и в первый раз, Пэриш почувствовала приятную усталость. Джинн целовал Монику с такой нежностью, что если бы не его руки, то она оказалась бы лужицей по пол, словно подтаявшее мороженое.

Валефор слегка отстранился и внимательно посмотрел на нее. В бездонных глазах отражалась вселенская грусть, и Монике стало не по себе.

— Как ты могла подумать, что я способен тебя убить? И если уж решила, что я все-таки

способен, то почему бы мне это не сделать более приятным способом. Ты же помнишь, что если я переусердствую, то для тебя это будет смертельно. То вино отправил не я...

Моника оглядела пейзаж вокруг: разбросанные столики-тележки. На полу валялись разнообразные лекарства, системы капельниц, шприцы. А двери палаты наглухо закрыты.

— Они хотели помешать мне, спасти тебя, — пояснил хаос Валефор.

А ведь и правда, задумалась Пэриш. Если предположить, что вино все-таки прислал Валефор, то зачем ему это? Да еще и от своего имени. Кроме того, он прав, джинн мог убить ее и более приятным для него способом.

— Я думаю, это Джастин, — после долгой паузы ответила Моника. — Хотел завершить начатое и у него это почти получилось...

Валефор прижал ее к себе, глядя по волосам и успокаивая, словно ребенка. Он и правда испугался, что потеряет ее.

— Прощу, Моника, загадай желание. Стань бессмертной. А что касается Джастина, то он сейчас получает заслуженное наказание.

Стать бессмертной? Это значит жить вечно. А хочет ли она этого? Этот вопрос крутился в подсознании уже давно. Какая-то часть Моника не желала жить вечно, тем более, что эта вечность туманна. Другая же часть очень хотела разделить вечную жизнь с Валефором.

— Не хочешь? — разбитый и несчастный тон джинна нарушил ход ее мыслей, — собственно я так и думал, — продолжил он. — Не хочу тебя заставлять, но и не желаю твоей смерти...

— Я хочу, — тихо ответила Пэриш, — просто пока не готова. Я ведь могу загадать его позже?

— Можешь, конечно, но что если тебе снова будет грозить смертельная опасность, а меня не будет рядом?

Моника обняла Валефора за талию, прижимаясь щекой к мощной груди. Она чувствовала себя защищенной в его объятиях. И готова была стоять так вечно. Именно это чувство защищенности и заботы и стало для нее толчком.

— Знаешь, я готова стоять так с тобой вечно. И согласна стать бессмертной. Только, — она замялась.

— Только?

— Это больно?

Валефор заливисто рассмеялся.

— Это даже приятно...

И действительно. Моника ожидала какой-нибудь древний ритуал, плясание с бубном вокруг костра или что-то в этом духе. Но все оказалось довольно банально.

Валефор протянул ей маленький флакончик причудливой формы. Внутри пузырька плескалась светло-голубоватая жидкость. На ее недоуменный взгляд джинн с лукавой усмешкой ответил:

— Эликсир бессмертия. Все людишки его ищут.

— Граф Сен-Жермен? — удивилась Пэриш.

— Пф! — недовольно фыркнул Валефор. — У графа был фальсификат. А это настоящий эликсир бессмертия. И именно бессмертия, а не молодости. Эликсира молодости не существует.

— В чем разница? Если я это выпью, то буду молода и бессмертна. — Возразила

Моника.

— Нет, Мони. Дело в том, что многие люди считают: если ты стар и выпьешь его, то помолодеешь. Но это далеко не так. Если старик выпьет данный напиток, то он не помолодеет, а просто будет жить вечно, но так и останется стариком.

— Правда? Если я его сейчас выпью, то типа навсегда останусь в том возрасте, в котором нахожусь?

Валефор кивнул.

— Да.

Моника залпом осушила маленький флакончик. Жидкость имела сладковатый вкус с нотками каких-то цветов и специй. И поначалу с ней ничего не происходило, и Пэриш решила, что джинн просто пошутил. Но не успела она закончить эту мысль, как по всему телу пополз жар. Моника пребывала в легкой эйфории, словно выпила немного вина. Ее ноги слегка подкашивались и если бы не Валефор, крепко держащий в своих объятиях, то лежать бы Пэриш на полу. Вселенная вертелась вокруг, и даже стало немного подташнивать. Все кончилось также резко, как и началось.

— И это все? — удивилась Моника.

— А ты чего ждала? Древнего ритуала и жертвоприношений? — усмехнулся Валефор.

— То есть я теперь бессмертна? — спросила она, игнорируя его подколки.

Он притянул ее к себе еще ближе и тихо шепнул у самого уха.

— Бессмертна и моя...

А ведь и правда его. Только сейчас, Моника ощутила легкий вес оков на шее и запястьях.

— Ты ведь обещал, что без цепей! — возмутилась Пэриш.

Щелчок. И металлический ошейник исчез, а вот оковы на левом запястье остались.

— А это? — позвякивая цепью, она потрясла кистью.

— А это, увы, не в моих силах. Эта цепь связывает нас. И именно благодаря ей, я чувствую тебя на расстоянии...

***

Две недели спустя...

Хоть Валефор и отговаривал ее от этого, но Моника все равно решила навестить Джастина в тюрьме. Просто чтобы посмотреть ему в глаза. Встреча естественно ничем хорошим не закончилась и Пэриш, наконец, поняла: мужчина, которого она когда-то любила, как человек потерян. В нем алчности и жестокости было больше, чем в существах, с которыми ее еще недавно столкнула жизнь. Помимо Валефора, Моника познакомилась и с другими джиннами. Как он и говорил, эти существа довольно жестоки именно к людям. Но Джастин переплюнул их всех. Даже сидя в тюрьме, он вел себя так, как будто восседал на троне, а Моника являлась его слугой.

Замок Валефора с появлением Моника преобразился. Благодаря их таинственной связи, Пэриш теперь владела огромной силой, и эта сила принадлежала Валефору. Каким-то непонятным для нее способом, способности джинна передавались ей.

Обеденный зал Моника дополнила занавесками цвета сирени и белоснежной скатертью на длинном дубовом столе. Теперь, уже их общая спальня также подверглась изменам. Пэриш сменила мрачные тона на более яркие. И вместо черного пледа, кровать покрывало стеганое одеяло лимонного цвета. Стены в серых тонах, заменили белые обои с рисунком

ветки сакуры. У темной мебели, Моника просто поменяла цвет, а кроваво-красный ковер почти не изменился, просто стал менее красным.

Она стояла в центре комнаты и осматривала свою работу. Дизайнер из нее оказался так себе. Но главная цель была достигнута: мрачные тона исчезли. Единственное, что Моника не стала менять, это занавески и канделябры. Уж очень нравилось ей освещение, которое дарили отблески от «рожков», сделанных из обсидиана.

— Миленько, — Валефор обнял ее сзади за талию. — Мне нравится...

— А мне что-то не очень. Может поменять?

— Нет, не нужно. Как ты себя чувствуешь? Встреча с Джастином прошла не лучшим образом...

Моника промолчала. А что она могла сказать. Пэриш до последнего надеялась, что человека можно изменить, но видимо, Пирсон не тот случай.

— Хорошо. С тобой я чувствую себя хорошо. И это самое главное.

— Правильно, — одобрил Валефор, — все плохое позади. Теперь все будет только хорошее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net